

A black and white portrait of Sergei Rachmaninoff, looking slightly to the left. The image is the background for the entire page.

ВСЮ МУЗЫКУ ОН СЛЫШАЛ НАСКВОЗЬ...

СЕРГЕЙ
РАХМАНИНОВ
ВОСПОМИНАНИЯ
СОВРЕМЕННОКОВ

АННА ТРУБНИКОВА · МАТВЕЙ ПРЕСМАН · АЛЕКСАНДР ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР ·
СОФЬЯ САТИНА · АЛЬФРЕД И ЕКАТЕРИНА СВАНЫ · МИХАИЛ БУКИНИК ·
ЕЛЕНА ЖУКОВСКАЯ · ЗОЯ ПРИБЫТКОВА · ЛЮДМИЛА РОСТОВЦОВА ·
АЛЕКСАНДР ГЕДИКЕ ·

**Коллектив авторов
Сергей Рахманинов.
Воспоминания
современников. Всю музыку
он слышал насквозь...
Серия «Большое искусство.
Персоны и биографии»**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70011781
Сергей Рахманинов. Воспоминания современников. Всю музыку он
слышал насквозь...: Издательство АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-154545-1*

Аннотация

Книга представляет собой сборник свидетельств родных и друзей, коллег и поклонников музыки Рахманинова на разных этапах жизни композитора. В ней есть и воспоминания самых близких к Сергею Васильевичу и его семье людей, и мемуары современников, дающие представление об эпохе и времени, в которое жил и творил композитор.

Задумывая этот проект, мы видели его второй частью «диалогии», в которую вошли бы книга Оскара фон Риземана «Сергей Рахманинов. Воспоминания» и сборник

мемуаров многих героев этих воспоминаний. Мы собрали эти воспоминания вместе в последовательности, близкой к хронологической, оставив за рамками нашей книги исследовательские и музыкально-аналитические статьи и сохранив беллетристическую, новеллистическую интонацию, как и в книге Риземана, настолько проникшегося жизнью и судьбой Сергея Рахманинова, что при чтении порой исчезает граница между речью композитора и автора.

Содержание

Предисловие	7
Уже в раннем возрасте стала проявляться склонность Сережи к музыке	11
Мальчик способный, хотя и большой шалун	57
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Сергей Рахманинов. Воспоминания современников. Всю музыку он слышал насквозь...

© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Авторы воспоминаний о Сергее Рахманинове:

*Анна Трубникова, Матвей Пресман, Михаил Букиник,
Александр Гедике, Александр Гольденвейзер, Людмила Росто
вцова, Елена Жуковская, Зоя Прибыткова, Альфред и
Екатерина Сваны и Софья Сатина*

Художественное оформление – Григорий Калугин

*Сочинять музыку для меня такая же насущная
потребность, как дышать или есть: это одна из
необходимых функций жизни.*

*Постоянное желание писать музыку – это
существующая внутри меня жажда выразить свои
чувства при помощи звуков, подобно тому как я*

говорю, чтобы высказать свои мысли.

С.В. Рахманинов

Предисловие

Юбилей – хороший повод вспомнить личность или событие, но для оставивших свой след в истории – особенно. Юбилей Сергея Васильевича Рахманинова – именно такой случай, хотя интерес к жизни и творчеству композитора не ослабевает вот уже почти сто лет. Много написано и издано книг, опубликовано статей, раскрыто архивов, немало создано и развеяно мифов, но популярность его музыки, значение его композиторских идей и высокие критерии творческих взглядов остаются для отечественной культуры величиной постоянной.

Книга представляет собой сборник свидетельств родных и друзей, коллег и поклонников музыки Рахманинова на разных этапах жизни композитора. В ней есть и воспоминания самых близких к Сергею Васильевичу и его семье людей, и мемуары современников, дающие представление об эпохе и времени, в которое жил и творил композитор. Все тексты, отобранные в этот сборник, в целом близки друг к другу по интонации – без высокопарного слога, но и без фамильярности: даже в воспоминаниях сестер и племянниц семейное «Сережа» звучит с почтительностью и уважением – настолько высок был авторитет Рахманинова и глубоко искренним признанием окружающими его таланта и духовного превосходства еще с юных лет.

В этих мемуарах Рахманинов показан как сын и отец семейства, ученик и педагог, пианист и дирижер, и прежде всего как композитор. У него всегда было весьма требовательное отношение к своему божественному дару, которым он иногда вынужден был пренебрегать из-за тяжелого финансового положения. Все авторы мемуаров сходятся в одном: осознавая свою гениальность, Рахманинов был предельно самокритичным, был человеком, стремящимся к совершенству своих творений. Может быть, ему при жизни не хватало всей славы (особенно на Родине), но она никогда не застила-ла Рахманинову глаза.

Талантливый во многом, Рахманинов умел поддержать и всегда стремился это делать по отношению к молодым коллегам: в книге есть мемуары, дающие представление о Рахманинове-учителе – не менторе, а наставнике, вдохновляющим своим образом жизни. Сергей Васильевич всего добивался своим трудом, неустанным трудом самосовершенствования. О его усидчивости ходили легенды, его фраза об искусстве игры на музыкальном инструменте – «Технику надо создавать, как строят дом. Мускулы приобретают силу и ловкость в течение ряда лет упорного ежедневного труда...», обращенная к молодым музыкантам, была и для него правилом, которому он неукоснительно следовал в течение всей жизни.

Конечно, в книге «звучит» и голос самого Рахманинова – в записях домашних разговоров, цитатах из писем, рассказы-

вающих не только об интеллектуальных потребностях композитора, но и представляющих его как реального человека – не образ, а живого, чувствующего человека, пребывающего не только в творческих мирах, но и понимающего и принимающего простые радости, заботящегося о семье и хлебе насущном. В письмах, как и во всех воспоминаниях в целом, Рахманинов очень конкретен в восприятии действительности, не ищет виноватых и не витает в эмпиреях. Качество, которое делало его очень надежным для близких ему людей...

Возможно, тем, кто давно интересуется творчеством Сергея Васильевича Рахманинова, опубликованные в книге тексты покажутся знакомыми. Так и есть, они уже неоднократно и в разных изданиях цитировались. Но в этом формате и в таком составе собраны впервые. Задумывая это проект, мы видели его второй частью «дилогии», в которую вошли бы книга Оскара фон Риземана «Сергей Рахманинов. Воспоминания» и сборник мемуаров многих из героев этих воспоминаний. Мы собрали их вместе в последовательности, близкой к хронологической, оставив за рамками нашей книги исследовательские и музыкально-аналитические статьи и сохранив беллетристическую, новеллистическую интонацию, как и в книге Риземана, настолько вжившегося в жизнь и судьбу Рахманинова, что при чтении порой исчезает граница между речью композитора и автора. Но этим книга Риземана и хороша – она словно автопортрет великого художника, исполненный рукою талантливого и преданного коллеги-копи-

иста. В нашем проекте Рахманинов предстает самим собою через призму лучших на сегодня мемуаров о композиторе. Мемуаров, которым присуща, по выражению известного музыковеда Заруи Апетян, «свободная, живая манера высказывания, особая эмоциональная теплота и искренность тона повествования, которые делают их привлекательным источником познания жизни и творчества великого русского композитора».

Сергей Васильевич Рахманинов прожил жизнь, наполненную испытаниями, на которые не всегда хватало здоровья, непросто дался ему и вынужденный отъезд из любимой России. Концертируя в разных странах Европы и в США, он подолгу оставался лишь там, где встречал пейзажи, чем-то неуловимо напоминавшие ему родные места. Он был по рождению и духу русским человеком. «Музыка композитора должна выражать дух страны, в которой он родился, его любовь, его веру и мысли, возникшие под впечатлением книг, картин, которые он любит. Она должна стать обобщением всего жизненного опыта композитора, – говорил Рахманинов в одном из своих интервью за рубежом. – Я – русский композитор, и моя родина наложила отпечаток на мой характер и мои взгляды. Моя музыка – это плод моего характера, и потому это русская музыка». Стоит ли этому возражать?

От редактора-составителя

Уже в раннем возрасте стала проявляться склонность Сережи к музыке

*А.А. ТРУБНИКОВА*¹

СЕРГЕЙ РАХМАНИНОВ

В детстве Сереже Рахманинову пришлось пережить много тяжелого. Только до семи-восьми лет жил он нормально в семье, но и об этом времени самыми теплыми воспоминаниями были воспоминания о бабушке Бутаковой². Бабушка очень любила внука Сережу. Он отвечал ей нежной привязанностью и любовь к ней сохранил навсегда.

Часто бабушка возила внука в монастырь, где был хороший хор. Прекрасное пение помогало маленькому Сереже выстаивать монастырские службы, а потом мягкие теп-

---

¹ *Анна Андреевна Трубникова* (1885–1955). Двоюродная сестра С.В. Рахманинова.

² *Софья Александровна Бутакова* (1823–1904). Бабушка С.В. Рахманинова по материнской линии, была замужем за ректором и профессором истории Аракчеевского кадетского корпуса в Новгороде генералом П.И. Бутаковым (дедушка С.В. Рахманинова).

лые просвиры³ смягчали усталость. Кроме того, слушать колокольный звон доставляло ему большое удовольствие. Впоследствии, будучи взрослым, он ходил слушать звон в Сертенском монастыре в Москве, где звонарь был настоящим мастером своего дела. Этот звон и услышала я в «Светлом празднике» из Фантазии («Картины») для двух фортепиано Рахманинова.

Уже в раннем возрасте стала проявляться склонность Сережи к музыке, и мать его, Любовь Петровна, начала заниматься с ним.

Однажды, когда Сережа был еще маленьким мальчиком, приехал в Онег его дед – Аркадий Александрович Рахманинов⁴. Он сел с внуком играть в четыре руки сонату Бетховена. Играли они с увлечением; когда кончили сонату, дед с радостью и гордостью повернулся к внуку. В это время открылась дверь и вошла бывшая кормилица Сережи, местная крестьянка. Она пришла просить воз соломы на починку крыши своей избы.

– Ты заслужила много больше за то, что выкормила мне такого внука, – сказал дед женщине, так и не понявшей, почему заслужила она так много, если ее «выкормыш» ловко играет на фортепианах...

---

³ Просвира (современное – просфора) – церковный хлеб округлой формы, используемый при богослужении.

⁴ Аркадий Александрович Рахманинов (1808–1880) – дед С.В. Рахманинова по отцовской линии. Крестник императора Александра I. Музыкант, композитор.

Несмотря на то что рассказ об Аркадии Александровиче несколько уведет от воспоминаний о Сереже, я все же не могу удержаться от этого соблазна.

Аркадий Александрович был учеником Дж. Фильда⁵. Именно в области музыки, самого дорогого, чему он отдавал все свои силы, судьба его не баловала. Жил он в далекой деревне, лишенный возможности общаться с музыкантами. А между тем он был прекрасным пианистом и композитором.

Его жизнь протекала в Знаменском Тамбовской губернии Козловского уезда. Старый типично помещичий дом стоял на высоком берегу Матыры (приток Воронежа). Широкие белого камня ступени спускались с террасы к горе, дальше, под гору, дорожка, на половине горы площадка с беседкой и дальше до самой воды – акации, сирень. А у берега ракиты опустили свои ветви, наклонились и глядятся в воду, покрытую у берега нениюфарами (лилиями). На противоположном берегу лес с «темным озером», а дальше простор черноземных равнин, ширь да гладь! От террасы вьется дорожка-аллея сирени, заросшая так, что идешь, бывало, как в коридоре, и ни сбоку, ни вверху ни одного просвета. Постепенно понижаясь, аллея доводила до купальни. Как любила я бежать этой дорожкой. Бежишь, бежишь, и чем дальше, тем скорее, под конец подпрыгиваешь, и дух захватывает! Только мелкие камешки разлетаются по сторонам. Вот дорожка кончи-

---

⁵ *Джон Фильд* (1782–1837). Ирландский композитор. Большую часть жизни провел в России.

лась, и открылась красавица Матыра. Взбежишь на мостки купальни, хочется обойти ее кругом, да нельзя: слева доски сгнили, упадешь. И это интересно, опасно – все кажется таким значительным. Пока дойдут старшие, а ты уже сидишь на ступеньках у самой воды и как зачарованная смотришь на силявок⁶, мелькающих в воде стайками, на водяных паучков. А если проплывает уж, так это такое событие, о котором надо рассказать всем: и маме, и Оле, и няне, и Марфе, и каждому, кого удастся поймать в слушатели. Смотришь и плетешь фантастические истории и про ужа, и про силявок, которых через несколько минут будешь ловить с Олей платком!

Чудные часы невозвратимого далекого детства. Спасибо вам, что вы были у меня, что дали мне тогда столько радостей, а теперь полугрустные, полувеселые воспоминания.

Обычно днем жизнь семьи сосредоточивалась с той стороны дома, где была громадная клумба роз, окруженная пионами. С этой стороны подъезжали экипажи. Кучера с шиком подкатывали к подъезду, осаживали взмыленных коней как раз там, где нужно, и уже с пустыми экипажами, объехав кругом медленно, проезжали по ту сторону клумбы к конюшне. И даже то, что на некоторое время лошади скрывались за правой куртиной, а потом вдруг «выныривали» посреди клумбы, и это было интересно, чудилось что-то таинственное.

Дедушка в молодости был военным, как и отец его,

---

⁶ Силявка (другое название – уклейка) – рыба из семейства карповых.

Александр Герасимович. Женившись на Варваре Васильевне Павловой⁷, дед мой поселился с ней в своем родовом имении Знаменском. Дружной многочисленной семьей жили Рахманиновы в милом Знаменском. Дед и бабушка были очень дружны и горячо любили друг друга. Сохранились слова деда, сказанные им перед смертью бабушки, что он всегда любил ее и за всю жизнь ни разу не изменил ей. Сохранилось и еще воспоминание об одной трогательной сцене этих поистине Филемона и Бавкиды⁸. Однажды, дело было вечером, как-то они повздорили, и дед отказался от ужина, ушел в зал, сел под окном в темноте, огорченный происшедшим. Видя, что дедушка не сдастся, бабушка взяла тарелку с его любимым кушаньем и пошла к нему. Там, после недолгого объяснения, произошло примирение, и бабушка стала кормить дедушку с вилки, как маленького, а он, смягчившись (он был горяч, но, как все добряки, отходчив), подчинился; и они мирно сидели. Вдруг что-то показалось за окном. Вглядевшись в темноту, они увидели, что на них смотрит несколько любопытных глаз, прильнувших к окну. Оказалось, что Дан-

---

⁷ *Варвара Васильевна Павлова* (1812–1896). Пианистка, была замужем за А.А. Рахманиновым (бабушка С.В. Рахманинова по отцовской линии), происходила из рода Строгановых.

⁸ Филемон и Бавкида. Герои античного мифа, бедные старики, приютившие, по преданию, бога Зевса и его жену Геру во время их путешествия под видом обычных людей. За свою отзывчивость и доброту были одарены благами, а их дом превратился в храм, в котором они и служили жрецом и жрицей до конца своих дней.

зас (кажется, губернатор)⁹ объезжал губернию и, зная Рахманиновых как приятных и славившихся хлебосольством людей, решил заехать к ним со всей свитой на ночевку. Не дозвонившись, они пошли вокруг дома, ища, где есть свет, и натолкнулись на такую трогательную сцену.

До последних дней своих дедушка не бросал музыки и ежедневно с утра садился за рояль. Как я уже говорила, он был и композитором. Им было написано много романсов, хоров и пр., но мало что сохранилось¹⁰. Его ноты находились в Знаменском, и после 1918 года все было уничтожено. Я очень счастлива, что у нас сохранились две шуточные его вещи, написанные им к елке 1869 года и посвященные его дочерям Ваве и Мане. Дедушка, насколько было возможно, поддерживал связь с музыкальным миром, хотя по большей части она ограничивалась письмами. Утешением ему были приезды артистов в Тамбов; тогда его зачастую привлекали к участию в их концертах.

---

⁹ *Карл Карлович Данзас* (1806–1885). С середины 1850-х годов – Тамбовский гражданский губернатор, брат Константина Карловича Данзаса (1801–1870), лицейского товарища А.С. Пушкина, секунданта на его дуэли с Дантесом.

¹⁰ Среди сохранившихся сочинений А.А. Рахманинова можно выделить следующие: романсы – «Вечерний звон» (на слова И.И. Козлова), «Глаза» (на слова А.В. Кольцова), «Темнорусая головка» (на слова N.N.), «Проторила я дорожку» (на слова Т.Г. Шевченко), «Сон» (на слова Г. Гейне в переводе А.Н. Плещеева), «Таракан» (на слова И.П. Мятлева) и «Соня» (на слова Н.М. Соковнина); дуэты – «Где ты, звездочка» (на слова Н.П. Грекова) и «Когда б он знал, как дорого мне стоит» (на слова Е.П. Растопчиной); для фортепиано в четыре руки – «Прощальный галоп 1869-му году».

Дедушка сам давал уроки музыки своим детям, и все они унаследовали любовь к музыке. Сын Василий, отец Сергея Рахманинова, был особенно музыкален, при блестящей технике он имел прекрасное туше. Условия тогдашней жизни и ему помешали стать профессиональным музыкантом, да и характер его не годился для усидчивой, кропотливой работы. В молодости он вступил в Гродненский гусарский полк и много времени и сил тратил на развлечения. Добрый, веселый, бесшабашный, он проявлял чрезвычайную нежность к детям и требовательность к нравственности других. А оригинал он был большой. Несмотря на свою любовь к веселью, ни за что не допускал гостей долго засиживаться, и все знали его привычку, что, как только наступал назначенный им час, он отправлялся по комнатам от самой дальней и гасил по очереди в каждой из них лампы. Гости постепенно сбивались в последней комнате, и, когда он появлялся уже в ней, все со смехом бросались в переднюю скорее одеваться, так как запоздавшему пришлось бы одеваться в темноте. В Семеново, где он жил, ездили к нему в гости его сестры Варвара Аркадьевна и Мария Аркадьевна. Развлекая их, он старательно и строго следил, чтобы кто-нибудь из товарищей гусаров не позволил себе какой вольности по их адресу. На это дядя был чрезвычайно строг! Познакомившись с семьей Бутаковых, он женился на дочери генерала Бутакова – Любове Петровне¹¹. Но брак не был счастливым. Любовь Петровна

---

¹¹ *Любовь Петровна Рахманинова*, урожденная Бутакова (1853–1959). Мать

не принадлежала к тем женщинам, которые могли удержать такого легкомысленного человека, как Василий Аркадьевич, и они, имея шесть человек детей, разошлись. Любовь Петровну я знала только понаслышке.

Дядю Васю помню в Знаменском. Занимал он кабинет покойного дедушки. Туда любили забираться моя сестра Оля и Лидуша, дочь Александра Аркадьевича, жившего тогда у себя в Садовой, за три версты от Знаменского. У дяди Васи было много фантазий. Так, например, он обедал отдельно у себя наверху. Оля, обладавшая огромным аппетитом, ежедневно обедала с ним. Он очень ее любил и называл Олушка. Часами сидели они вдвоем наверху и вели бесконечные беседы, а пообедав с ним, Олушка появлялась внизу и снова с аппетитом обедала уже со всеми, у бабушки.

Когда Сергею было лет семь-восемь, родители его разошлись. Разлад в семье в пору раннего детства Сережи наложил на него тяжелую печать, от которой он никогда не мог избавиться. Как мучительно должен был переживать распад семьи такой впечатлительный мальчик, каким был Сережа.

В 1882 году Василий Аркадьевич переехал в Петербург, и Сережа некоторое время жил в семье моих родителей Андрея Ивановича и Марии Аркадьевны Трубниковых.

Сережу определили в Петербургскую консерваторию к профессору Демянскому. Но резвый мальчик, привыкший к жизни в деревне, в семье, с отцом, матерью и горячо его

любившей и баловавшей бабушкой, очутившись в Петербурге, в новой, чуждой и непривычной ему обстановке, среди незнакомых соучеников, повел себя далеко не безукоризненно. Дядя и тетка Трубниковы, люди очень добрые, не смогли быть достаточно строгими и требовательными. Отсюда, вероятно, и явилось его своевольничанье, озорство и небрежное отношение к ученью в первый год жизни в Петербурге.

Ученьем Сережа не увлекался и предпочитал кататься на коньках, убегая на каток. А когда по воскресеньям родители уходили и дети оставались под присмотром старой няни Теофилы, начиналось безудержное веселье: беготня, крики, прыганье с «высоты», качанье младших на одеялах и главное – катанье «с гор». Для этого Сережа с братом Володей подставляли доски на высокий шкаф и оттуда съезжали на «большой скорости». Сестру мою, четырехлетнюю девочку, втаскивали наверх и сталкивали по доске вниз в чисто-сердечной уверенности, что доставляют ей большое удовольствие. Няня Теофила только всплескивала руками и беспомощно кричала: «Мучители, они сломают ей шею!» К счастью, в 1885 году Сережу перевели в Московскую консерваторию, и Н.С. Зверев взял его к себе на полный пансион. Прекрасный человек и педагог, Николай Сергеевич был и великолепным воспитателем и из ленивого и шаловливого Сергея вырастил трудоспособного, дисциплинированного, честного человека.

Когда Сережа, поссорившись со Зверевым, пришел к мыс-

ли уйти от него, на семейном совете было решено, что жить Сережа будет у Сатиных¹².

Сережа сразу вошел в семью Сатиных полноправным членом. Двоюродные братья Саша и Володя и сестры Наташа и Соня искренне полюбили Сережу и подружились с ним. Молодежь Сатиных, особенно Саша и Соня, очень много читали и приохотили к чтению и Сережу. Они собирали себе библиотеку, а также организовали библиотеку в деревне Ивановке¹³ и постоянно пополняли ее, в чем горячее участие принимал и Сережа.

Он всегда очень много занимался, и времени для чтения у него оставалось мало. Поэтому Соня и Саша, следившие за всеми новинками литературы, указывали Сереже, что следует прочесть, а он в свою очередь знакомил их с музыкальной литературой.

Когда к окончанию консерватории Сережа написал оперу «Алеко», помню, как все волновались и радовались. В Большом театре на исполнении оперы «Алеко» присутствовала бабушка Сергея – Варвара Васильевна Рахманинова. Она гордилась своим внуком и очень печалилась, что дедушка Аркадий Александрович не дожил до этой минуты. В ложу

---

¹² Сатины – родственники Рахманинова по отцу. Тетя композитора Варвара Аркадьевна (урожденная Рахманинова) была младшей сестрой В.А. Рахманинова, отца С.В. Рахманинова. Ей принадлежало имение Ивановка в Тамбовской губернии, в котором любил бывать С.В. Рахманинов. «Жить будет у Сатиных» – речь идет о квартире Сатиных в Левшинском переулке на Пречистенке в Москве.

¹³ Деревня Ивановка располагалась недалеко от имения Сатиных – Ивановка.

приходили поздравлять бабушку, а она благодарила, улыбаясь, и вместе с тем вытирала слезы, бежавшие из ее добрых больших карих глаз.

С юных лет Сергей был внимателен и заботлив по отношению к окружающим и всегда охотно помогал, чем мог. Так, моя сестра Ольга была очень музыкальна, и еще маленькой девочкой она проявляла эти способности, а в двенадцать-тринадцать лет не только играла и пела, но и сочиняла. Сережа, сам еще почти мальчик, советовал маме отправить Ольгу в консерваторию и повел ее к В.И. Сафонову¹⁴. Прослушав ее игру на фортепиано и ее сочинения, Василий Ильич обещал непременно принять Ольгу в консерваторию. Но, к сожалению, она заболела малярией, от которой избавилась лишь к восемнадцати годам, и так была изнурена болезнью, что о серьезных занятиях доктор запретил и думать.

Только вполне оправившись, Оля вместе с Сережей поехала к М.Н. Климентовой-Муромцевой¹⁵ и была принята ею очень охотно. Голос у Оли был исключительно красивый, пела она очень музыкально, и Сережа охотно ей аккомпанировал, давая советы, как лучше исполнять то или другое произведение.

– В семье любили не только серьезную музыку, любили и

---

¹⁴ *Василий Ильич Сафонов* (1852–1918). Дирижер, пианист, педагог, общественный деятель. Ректор Московской консерватории (1889–1905).

¹⁵ *Мария Николаевна Климентова-Муромцева* (1857–1946). Солистка Большого театра, педагог по вокалу.

цыганские песни, и часто пели их то соло, то хором. Однажды Сережа предложил Оле спеть «Очи черные». Трудно представить, что он сделал из этого романса. Это было нечто исключительно красивое.

Ясно вижу я Сережу сидящим, слегка сторбившись, у рояля, голова повернута влево, приподнята. Он смотрит на стоящую рядом сестру Олю. Вся партия рояля на басах, гармония необычайно богатая, звучание какое-то бархатное и напоминает гитару, и все как бы вполголоса. Впечатление было потрясающее.

Сестра Оля, как очень музыкальная, сумела закрепить в памяти эту музыку. После она часто повторяла этот романс и всегда с большим успехом. Однажды в деревне она пела «Очи черные» при деревенском священнике. По окончании он вскочил и со словами: «Такое услышать – и умереть!..» – убежал из комнаты. К сожалению, никто, кроме Оли, не запомнил Сережиного аккомпанемента, а с ее смертью Сережа больше никому не аккомпанировал.

Когда мне было пять лет, Оля пела со мной дуэты. Репертуар был очень разнообразный: и Глинка, и Чайковский, и цыганские песни. Особенно, помню, я с азартом пела «Как хорошо» и «Один цыган не пьет, не гуляет». Сережа часто заставлял нас петь и от души веселился, слушая, как я выводила «Как хорошо, как хорошо, как хорошо с тобою мне быть!». Или просил маму поиграть со мной в четыре руки. Тут уж он, хваля меня, уверял присутствующих, что непре-

менно будет сам заниматься со мной, и добавлял: «Нет, вы посмотрите, какие у нее замечательные мизинцы – какая техника!»

Иногда же он и моя мама садились за рояль и играли в четыре руки, чаще всего симфонии Бетховена.

В.А. Сатина, как все ее называли, тетя Вава, живая, веселая и энергичная, решила, что молодежь должна учиться танцам. Был приглашен Н.Ф. Манохин¹⁶. Он был прекрасным учителем, но с ужасным характером. Маленький, худенький, как говорится, щека щеку съедала, волосы расчесаны на пробор. Обращался он с учениками деспотически и предупредил тетю Ваву, что он на уроках очень раздражителен и употребляет сильные выражения, за что ему во многих домах отказывали, считая недопустимым его обращение с молодежью. Тетя Вава не испугалась и обнадежила Николая Федоровича, что никто обижаться не будет, так как известно, что он человек нервный, а учитель – лучший.

Итак, начались уроки. Дети Сатиных неохотно подчинялись, а Сергей наотрез отказался, и, только когда не хватало кавалера, он появлялся и добросовестно и очень неплохо выделывал нужные па. Я была еще очень мала и только с завистью смотрела на танцующих. На этих уроках у Сатиных бывали гости – молодежь, в другое же время гости бывали очень редко. Своя компания была большая дружная, и

---

¹⁶ *Николай Федорович Манохин* (1855–1915). Солист балета Большого театра, балетмейстер, педагог.

по воскресеньям, когда все были свободны от уроков, было очень весело. Собирались в комнате девочек Сатиных: Наташа, Соня, Оля, Сережа и Саша. Впоследствии Наташа подружилась с Е.Ю. Крейцер¹⁷, которая вместе со своим братом студентом стала частой гостей у Сатиных.

На вербной неделе, на шестой неделе поста перед Пасхой, на Театральной площади, а позже на Красной, устраивался вербный базар. Строились ряды палаток с разными товарами: галантереей, сладостями, книгами, игрушками, искусственными цветами, птицами и т. п., а среди гуляющей публики ходили торговцы с ручным товаром: свистульками, пирожками, тещиными языками, шарами, морскими жителями (маленькие стеклянные уродцы в колбах с водой). По рядам прогуливалась пешая публика, а на свободной части площади кружились шагом экипажи с детьми и невестами замоскворецкого купечества. На этом базаре обычно мама покупала нам чижику в клетке. Он жил у нас до тепла. Ухаживала за ним сестра Оля. С наступлением тепла ехали за город и там птичку выпускали. Оля очень радовалась, если чижики не сразу улетал, а садился на близкую ветку и пел, будто прощаясь.

С одним из чижей произошло несчастье: он заболел, и, как Оля ни старалась ухаживать за ним, птичка перестала есть,

---

¹⁷ Елена Юльевна Крейцер, урожденная Жуковская (1875–1961). Камерная певица, педагог по вокалу, пианистка. Брала частные уроки у С.В. Рахманинова, пела в постановках его оперы «Алеко» (партия Земфиры). С.В. Рахманинов посвятил ей романс «Они отвечали» (ор. 21, № 4, 1902).

пить и сидела нахохлившись, а однажды утром уже лежала на дне клетки мертвой. Сестра горько оплакивала своего любимца, и Сережа, искренно ей сочувствуя, написал романс «На смерть чижика» и посвятил ей.

Работая в опере Мамонтова, Сергей подружился с Шаляпиным, и Федор Иванович часто приходил к Сереже. Высокий, широкоплечий, входит в дом, и сразу раздается его звучный голос, шутит со всеми, балагурит, вдруг на меня: «Книксен!» А начнет рассказывать – заслушаешься. Рассказывать Федор Иванович был мастер.

Каждое его посещение дома Сатиных, где жил Рахманинов, выливалось в концерт. Когда Федор Иванович пел, а у рояля был Сергей Васильевич, неправильно было бы сказать, что Рахманинов аккомпанирует. Они именно пели оба. Что это было за наслаждение! Исполнение их было поразительным и непревзойденным.

Во время их исполнения сходились все чада и домочадцы слушать. У каждой притолоки замороженные фигуры. Даже старая кухарка Настя и та приходила слушать. И как же он пел! Я была еще небольшая девчонка, а помню до сих пор, как у меня мурашки бегали по спине при фразе: «Лакме, я хочу, чтобы ты улыбалась!!!»¹⁸ А какой он был шутник! Анекдоты, шутки, фокусы мелькали, как искры. Однажды Федор Иванович был в гостях у двоюродной сестры Сергея

---

¹⁸ Фраза из Стансов Никалакты из оперы Лео Делиба «Лакме».

Васильевича – В.И. Зилоти¹⁹. Послал за Сергеем Васильевичем, а пока он не пришел, Федор Иванович предложил показать фокусы. Все обрадовались, засуетились... Федор Иванович серьезно стал готовиться к сеансу, как настоящий фокусник. Выбирал подходящий стол и все аксессуары. Когда все было готово и присутствовавшие сидели «наэлектризованные» и с любопытством ждали, что-то будет, Федор Иванович взял темную вазочку, показал ее со всех сторон и положил под нее катушку, которую до этого, держа двумя пальцами, тоже показал всем, затем таким же образом положил под другую вазочку наперсток. Поднял руки, показал их, затем начал делать пассы «волшебной палочкой», то есть дирижерской палочкой Сергея Васильевича, и сообщил, что сейчас катушка и наперсток переместились местами и что там, где была катушка, сейчас лежит наперсток, и наоборот. Публика притихла. «А сейчас... – и Федор Иванович снова делает пассы, – сейчас они снова вернулись на свои места! В этом вы можете убедиться сами!» И он торжественно поднял вазочки, где покойно лежали катушка с наперстком. Если бы Федор Иванович действительно показал фокус, ликование присутствующих не сравнилось бы с тем, что произошло после этого сеанса. Все аплодировали и были в полном восторге.

---

¹⁹ *Варвара Ильинична Зилоти* (1868–1939). Двоюродная сестра С.В. Рахманинова по материнской линии (дочь тети, Юлии Аркадьевны). В семье ее называли Вава. Была замужем за известным российским предпринимателем Константином Ивановичем Гучковым (1865–1934).

Федор Иванович был изумительным артистом, чародеем во всех своих проявлениях. Никогда подобного ему я не видала и не слыхала. Такого певца-актера до него не было, и, к сожалению, я уж не надеюсь больше видеть. Такие концерты, как концерты Шаляпина, когда у рояля был Рахманинов, никогда не повторяются. Это был ансамбль, когда певец и пианист как бы сливались воедино, давая такую экспрессию, такое горение, что увлекали громадную массу публики и заставляли слушать себя, затаив дыхание, забыв все окружающее, забыв самих себя. Зато по окончании прорывалась такая бурная стихийная волна аплодисментов, каких никто нигде и никогда не заслуживал.

Помню один из вечеров, когда к Сереже пришел А.А. Брандуков²⁰ с виолончелью. Он и Сергей играли не только весь вечер, но и ночь. Никто не уходил, да и кто бы мог уйти, слыша такую музыку, такое исполнение. Только когда у Брандукова что-то сделалось со смычком, все заметили, что на дворе уже светло.

Осенью 1901 года, когда все съехались в Москву, мама с нами пришла к Сатиным (тогда они уже уехали из Серебряного переулка и жили в Леонтьевском переулке в доме Катыка). Тетя Вава, встретив маму, с растерянным видом сообщила, что Наташа и Сережа решили пожениться. Эта новость поразила всех близких. Осуществить это было не про-

---

²⁰ *Анатолий Андреевич Брандуков* (25 декабря 1858 / 6 января 1859–16 февраля 1930). Русский виолончелист, педагог.

сто: по закону православной церкви брак между двоюродными был запрещен. А в памяти был такой случай. Сумевшие обойти этот закон прожили уже много лет, были у них взрослые дети, но по чьему-то доносу брак был расторгнут, муж и жена присуждены на покаяние в монастырь, а дети признаны незаконными. Вот и встал вопрос: как быть? А тут еще осложнение – чтобы быть обвенчанными, жених и невеста должны были представить удостоверение, что они говели²¹. Сергей не был церковником, никогда не говел и категорически отказался идти на исповедь. Выручила моя мать. Она знала священника Амфитеатрова. Это был исключительный человек – добрый, умный, высокообразованный. Выслушав мамину просьбу, отец Валентин просил прислать к нему Сережу и обещал уладить затруднение. Сережа, любивший и уважавший мою маму, поддался ее уговорам и пошел к отцу Валентину. Вернулся он довольный и радостный и говорил, что если бы знал раньше Амфитеатрова, то, конечно, давно пошел бы к нему. Как удалось ему уладить этот сложный вопрос, Сережа не рассказывал, да никто и не спрашивал.

Итак, одно препятствие было взято. Следующее было не из легких – найти священника, который согласился бы обвенчать двоюродных. За это грозила ссылка в монастырь на покаяние. Согласился их обвенчать полковой священник, так как он подчинялся не Синоду, а военным властям, но во время венчания должны были подать прошение на высочай-

---

²¹ Говеть – поститься, готовясь к исповеди или причастию.

шее имя, то есть государю. Если бы государь не разрешил брака, то уже ни один священник ни за что не согласился бы их венчать. Поэтому-то и необходима была одновременность действий.

Волнений было уйма. Венчали в полковой церкви, в казармах²². Пройти в церковь надо было через спальни солдат и, помню, с каким любопытством они смотрели на необычайное в казармах событие. Венчание совершалось карьером. Когда вернулись домой, было получено сообщение, что государь разрешил и написал на прошении: «Что Бог соединил, человек да не разлучает». Все вздохнули свободно.

В первый год после женитьбы Рахманиновы жили на Воздвиженке в доме Фаста²³.

Семьянин Сергей был прекрасный, любил Наташу горячо и искренне всю жизнь, и до смерти она была его лучшим другом. Девочек своих, своих «гуленек», он нежно любил и окружил заботой и лаской. Когда девочки выросли и вышли замуж, Сергей в письме к моей маме писал, как грустно ему расстаться со своими гуленьками, но что ничего не подела-

---

²² Казармы Шестого гренадерского полка (Александровские казармы) располагались в Москве по улице Павловской (Даниловский район современного ЮАО Москвы). Шестой гренадерский Таврический генерал-фельдмаршала великого князя Михаила Николаевича полк – пехотная часть Русской императорской армии.

²³ Трехэтажный жилой дом в Москве по адресу улица Воздвиженка, 11. Получил свое название по имени домовладельца, в конце XIX – начале XX веков там находились меблированные комнаты «Америка».

ешь.

В 1906 году Рахманиновы жили в Италии. По окончании гимназии сестра Оля и я поехали летом к ним. С нами ехала Марина. Жили Рахманиновы в местечке Марина-ди-Пиза на берегу моря. Дом стоял фасадом на море. С одной стороны дома, через улицу, был сосновый лес, за которым была поляна, напоминавшая русский ландшафт. Сюда мы любили приходить и подолгу любоваться близкой сердцу картиной. Из окна спальни было видно море и пляж, где купались. Наташа в то время была больна и не выходила из спальни. Когда мы уходили купаться, она подходила к окну и смотрела на море. Сережа имел обыкновение отъезжать на лодке далеко от берега и там, когда нам, стоящим на берегу, он казался уже черточкой, нырял с лодки и очень долго не показывался на поверхности. В этих поездках нередко принимали участие и мы. Временами бывало страшно. В такие моменты Наташа сходила с ума от страха, а когда мы возвращались, сердилась на нас, возмущалась, что мы позволяем Сереже делать такие опасные глупости, и умоляла его не повторять эти нырянья. Сергей отмалчивался, но при очередном купанье с лодки нырять не переставал.

Однажды, купаясь, я заплыла очень далеко и, устав, хотела встать, а дна-то нет и сил уже нет. Окунулась с головой, вынырнула, глотнула воздух и громко засмеялась – от страха, верно. Слышу голос Сережи:

– Чему ты смеешься?

Я лишь успела ответить:

– Тону! – и снова под воду. Сначала Сережа думал, что я шучу, но, увидав, что я нырнула с головой, и зная, что мы волосы не купаем в море, понял, что это не шутка, и, хотя был далеко от меня, вероятно, прыгая, как дельфин, доплыл до меня. Я еще кое-как держалась, то окунаясь, то выскакивая. Он схватил меня за подбородок и вытащил на мелкое место. На берегу, здорово отругав, категорически запретил мне заплывать дальше определенной черты. Обычно, если купающиеся заплывали за эту черту, *baigneur*²⁴ свистел, запрещая плыть дальше, но на нас, русских, он «махнул рукой», зная, что все равно ничего не подействует.

Отвлекаясь в сторону, хочу сказать, что Сергей был разно-сторонним спортсменом: он отлично греб, плавал как рыба, ездил верхом и прекрасно бегал на коньках. Был с ним такой случай: однажды он давал концерт в Варшаве. Тогда там жила его двоюродная сестра А.Г. Жуковская. Ехали они в карете на концерт, и пришлось проезжать мимо катка. Слышна была музыка, горели яркие фонари, и катающиеся легко скользили по льду. Сергей залюбовался и вдруг предложил: «Давай побегаем!!!» – и готов был уже остановить экипаж и бежать на каток. С трудом Аня отговорила его от этого безумного желания.

Вернемся, однако, к событиям нашей жизни в Италии. По вечерам, когда спадала жара, на улице появлялись уличные

---

²⁴ *Baigneur* – купальщик (*фр.*). В данном случае – пляжный спасатель.

музыканты: женщина и мужчина, а маленький длинноухий ослик вез механическое пианино, к которому была прилажена люлька с ребенком. Время от времени они останавливались, женщина заводила пианино, а мужчина в цилиндре и с тросточкой пел и приплясывал. В их репертуаре была очень мне нравившаяся полька. Впоследствии, когда я услышала впервые «Итальянскую польку» Сережи, передо мною встала картина: яркое небо, синее море, ослепительно белая улица и уличные музыканты с осликом, покорно ждущим, когда надо будет ехать дальше.

Около дачи была кондитерская Базеля. По вечерам Базель выставлял на тротуар столики, и публика приходила и ела здесь мороженое. И мы выходили и сидели около своего подъезда. Однажды за столиком рядом с нами сели две дамы и один мужчина. Слышим, дамы говорят по-русски. Сергей съежился, и мы, не говоря ни слова, поняли, что нужно скрыть от соседок, что мы русские. Несмотря на прекрасный вечер, веселый разговор публики, сидящей за столиками, мы были мрачны и молчаливы. Вдруг в окно спальни высовывается Марина и во весь голос кричит: «Сергей Васильевич!..» – но выразительная мимика Сергея лишает ее дара слова, и она быстро скрывается, а мы как по команде, вскакиваем и скрываемся в подъезде. Странное впечатление должно было произвести наше нелепое поведение, что могли подумать о нас сидевшие рядом с нами русские? Может быть, им пришло на мысль, что нас окружает какая-нибудь

тайна, что мы скрываемся... Возможно. Для тех, кто не знал хорошо Сергея, конечно, непонятно было иной раз его поведение. И такие люди имели полное право считать его нелюдимым, суровым и неприятным. И как бы они удивились, если бы увидели его в домашней обстановке.

До приезда Марины у Рахманиновых жила кухарка Marie. Забавно было смотреть, как она, сидя перед плитой, веером раздувала угли. Она была очень довольна, что работает у «знаменитого русского музыканта», и, «наслаждаясь музыкой», как она говорила, не забывала писать потрясающие счета. Когда Наташа, доведенная этим до отчаяния, сказала ей, что она слишком дорого платит за курицу, Marie, округлив святые глаза и взмахнув руками, только и сказала:

– Signora mia, non so!²⁵

Сергей, присутствовавший при этом разговоре, очень смутился и просил Наташу оставить ее в покое.

– Ведь приехала Марина, и Marie скоро уйдет.

Марина избавила нас от ужасной стряпни Marie, от ее «кошачьих печенок», как мы называли ее лангеты. А когда Марина впервые поставила на стол миску с русскими щами и мы с жадностью вдохнули их аромат, восторгам не было предела. Суровый и сдержанный с посторонними, Сергей дома преображался. В семье он был чуткий, внимательный и ласковый. Он очень любил мою мать, любил посидеть около нее вечером и побеседовать о том о сем. Как сейчас вижу его си-

---

²⁵ Госпожа моя, я не знаю! (*ит.*)

дящим напротив мамы за столом, боком, одна нога оплетает другую, на коленях железная коробка с табаком, и он своими изумительными пальцами скручивает «тю-тель» (так назывались его самокрутки). Сергей стал сам по мере надобности скручивать папиросы, надеясь, что эта процедура сократит число выкуриваемых им папирос. Беседа часто велась о прошлом. Мама обладала прекрасной памятью и очень хорошо рассказывала, а Сережа любил послушать о дедушке Аркадии Александровиче, о бабушке, о прежней жизни в Знаменке²⁶.

Стоило раздаться звонку в передней, он настораживался, и, если оказывалось, что пришел «чужой», он наспех собирал свои курительные «доспехи» и, «спасаясь», через кухню уходил к себе.

С 1905 года я начала работать в Третьей сущевской городской начальной школе и там вплотную познакомилась со средой рабочих. Помню свою первую получку. Как горда я была, получив свое жалованье – 38 р. 50 коп. Как счастлива была принести их домой и отдать маме. Мне казалось, что теперь я буду уже не бременем для семьи, а помощницей!

Сережа встретил меня очень «серьезно», конечно, поддразнивая по обыкновению. Когда я вошла в комнату, навстречу поднялась высокая фигура в черном и склонилась в почтительном поклоне:

---

²⁶ Знаменка – имение рода Рахманиновых в Тамбовской губернии Козловского уезда, в то время принадлежало тетке С.В. Рахманинова – Ю.А. Зилоти.

– Приветствую великого педагога, – в глазах лукавые искры, но голос торжественно серьезен, – где уже мне теперь равняться с тобой, ты человек двадцатого числа²⁷, а я бедный музыкант! – говорит он с тяжелым вздохом.

А потом, уже вечером, потребовал от меня отчет, как я намерена располагать своим богатством, накрепко запретив мне тратиться на шоколад, распределил все расходы и наказал твердо придерживаться установленных статей. Впоследствии, когда я освоилась в школе и хорошо узнала учениц и их семейное положение, Сережа часто помогал моим нуждающимся ученицам. Умерла от истощения мать одного из моих учеников. После нее остался пьяница муж и пятеро детей от десяти до полутора лет; не было денег даже на похороны. Я просила Сережу оказать им помощь и стала рассказывать, что женщина перед смертью звала меня, а соседки, как после они мне рассказали, «не посмели меня беспокоить». Она просила их передать мне ее просьбу позаботиться о ее сиротах. Сначала Сергей слушал, а потом с потемневшими глазами, измученным лицом просил не рассказывать ему всех подробностей, а скорее сказать, сколько денег нужно на похороны и что еще нужно сделать. Он не знал этой женщины, никогда не видел ее детей и все же так горячо и искренне отозвался на это горе, так готов был помочь всем, чем мог.

Работая в школе, я уже не могла бывать на утренних ре-

---

²⁷ Так называли в то время служащих, которым зарплата выдавалась по двадцатым числам каждого месяца.

петициях Сережиных концертов, а какое это было наслаждение! В былые времена из-за Сережиных репетиций гимназия летела у меня побоку – никакие грядущие кары и возможные двойки не пугали. Утром вскакивали без разговоров, наскоро пили чай и отправлялись на репетицию. Там неслышно проходили по коврам фойе, входили в полутемный пустой зал и выбирали кресла непременно с левой стороны у среднего прохода. Вот входят оркестранты, рассаживаются, настраивают инструменты. Какое-то особенное, приподнятое настроение заставляет выпрямиться. Задерживая дыхание, смотришь на занавеси дверей артистической – ждешь, когда появится такая знакомая, любимая высокая фигура, сейчас сосредоточенная и строгая. Уже невозможно даже вспомнить, что это тот домашний Сережа, который так ласков, а порой так дразнит, что приходится прибегать к помощи мамы, а он со смеющимися глазами, но серьезным голосом доказывает:

– Нет, тетушка, твоя дочь просто невозможная, она же меня терроризирует – называет меня сосиской и чертом.

Конечно, за такие эпитеты я получаю замечания, но к Сереже отношение не меняется, и я продолжаю исподтишка: «ябеда, фискала-зубоскал» и т. д.

Вот колыхнулась портьера, и по ступенькам поднимается Сергей. Оркестр быстро смолкает. В пустом зале четко раздается низкий голос, такой знакомый! Взмах рук, секунда... и полились прекрасные звуки, завораживающие, заставляю-

щие забыть самое себя. Как пластичны руки, какое достоинство, какая скупость в каждом движении и вместе с тем какая сила и выразительность.

Порой оркестр останавливается, и снова слышен голос дирижера: указания, поправки, повторения, – и снова льется прекрасная музыка.

Сколько я переслушала в его исполнении и как дирижера, и как пианиста – всего и не перечислить.

После репетиций Сережа возвращался домой усталый: столько израсходовано внутренней силы, – немудрено, что лицо побледнело и как будто осунулось.

Однажды Сергей возвращался из поездки и, войдя в вагон в Петербурге, ворчал на носильщика, что ему приходится ехать в купе, где есть дверь в соседнее купе, в котором едут дамы. Каково же было обоюдное удивление, когда оказалось, что соседки – это его же двоюродная сестра Жуковская с дочерью. Дочь Жуковской Ляля, еще подросток, с уважением смотрит на «дядю Сережу», а когда Сережа достал немую клавиатуру, которую всегда возил в поездках и на которой упражнялся в пути, и позвал ее к себе, она покорно перешла в его купе.

– Сиди смирно, не болтай и не мешай, – распорядился строгий дядя. Просидев некоторое время смирно, Ляля взмолилась:

– Дядя Сережа, мне так сидеть скучно.

– А ты думаешь, мне весело упражняться на немой? Ты

пожалей старого дядю и помоги ему. Я смотрю на тебя, и мне веселее.

Все это говорилось с милой улыбкой.

Ежедневно, в определенные часы, Сергей работал: писал, играл. Бывало, в это время на лестнице сидят, стоят слушатели. Это все служащие-железнодорожники²⁸. Услышав звуки рояля, они обычно гурьбой высыпали на лестницу и, забыв работу, наслаждались «концертом». Иногда под дверями оказывались цветы – дань прекрасному таланту. Поклонниц у Сережи было много, но он не любил их и избегал встреч с ними. По поводу поклонниц бывали и курьезы: часто раздавались телефонные звонки, возьмешь трубку:

– Слушаю.

В ответ слышна возня, сдержанный шепот и с придыханием раздается:

– Можно попросить Сергея Васильевича?

Приходится говорить по его распоряжению:

– Нельзя, Сергей Васильевич работает, – и вешать трубку.

Повар Егор очень возмущался телефонными звонками, цветами.

– И что Наталья Александровна смотрит, ох, уж эти поклонницы, моя Даша сразу бы их отвадила! – окая, говаривал он.

Как-то на концерте Сережи в первых рядах сидела одна

---

²⁸ Отделение Брестской железной дороги помещалось на одной лестничной клетке с квартирой Рахманинова.

из его поклонниц. Когда он вышел и начал играть, она подошла к рампе и начала что-то говорить. Продолжать концерт было невозможно, так как женщина говорила во весь голос, обращаясь к Сереже. Кто-то из администрации предложил ей покинуть зал, на что она заявила, что из зала она не уйдет, так как она невеста Сергея Васильевича. Тогда тот нашелся и сказал, что Сергей Васильевич зовет ее и ждет в артистической. Она быстро и решительно помчалась из зала. Что было с ней дальше – не знаю, но старичок, служивший в артистической, после, рассказывая об этом случае, удивлялся:

– Ведь вот, помню, сколько уж было поклонниц у Николая Григорьевича Рубинштейна, а такого случая, чтобы на концерте с ума сходили, – такого все же еще не бывало!

Но одна поклонница была особенная. Кто была она, откуда, никто не знал, но при каждом выступлении Сергея на эстраду подавалась чудесная белая сирень. Какое бы время года ни было, где бы, в каком городе он ни выступал, – его встречала белая сирень. Только много времени спустя Сергей Васильевич узнал, что эта таинственная незнакомка – Ф.Я. Руссо²⁹.

---

²⁹ А.А. Трубникова называет имя поклонницы творчества композитора, школьной учительницы из Киевской губернии Феклы Яковлевны Руссо, переехавшей в Москву за поступившими на учебу детьми и однажды попавшей на концерт Рахманинова. На этом концерте она впервые услышала романс «Сирень», восхитилась им, и с тех пор ветка или букет из веток сирени стал верным спутником концертов композитора. Как утверждается в некоторых неофициальных источниках, имя таинственной поклонницы С.В. Рахманинову сообщил кто-то из знакомых музыкантов. Рахманинов в письме поблагодарил поклонницу, она от-

Однажды вечером я после ванны с мокрыми волосами сидела и читала. Приходит Марина и говорит:

– Пожал-те, Сергей Васильевич ждет. Плохо себя чувствует, и одному тоскливо. А вам приготовил тянучки.

Конечно, я не раздумывая пошла к нему. Сергей, нахолившись, сидел за письменным столом.

– Садись и ешь тянучки. У меня, кажется, лихорадка!

Разговор зашел о знаменном распеве, и я попросила его рассказать мне хорошенько о крюках. Сергей охотно стал мне рассказывать, но раздавшийся звонок – пришел Дидерихс³⁰ – прервал нашу беседу. Так я и не дослушала о крюках. Во время одного из концертов в антракте Сергей сидел в кресле в артистической против стеклянной двери. Оживленный и веселый, он просил дать ему апельсин, и, чтобы не пачкать ему рук, я, сидя на ручке кресла, очищала апельсин и дольками клала ему прямо в рот. Настроение было прекрасное, и мы чему-то весело смеялись. И вдруг я увидела за стеклом двери несколько пар глаз, горящих любопытством и наблюдающих происходящее. Я сказала об этом Сереже. Он повернулся с креслом спиной к двери и сказал:

– Подожди, до звонка не выходи, поймают.

ветила, и между ними завязалась переписка, но лично С.В. Рахманинов и Ф.Я. Руссо никогда не встречались.

³⁰ Федор Федорович (Фридрих) Дидерихс (1779–1846). Основатель всемирно известной фирмы по производству роялей, дело которого продолжили его сыновья Роберт и Андрей, вследствие чего фабрика получила название «Братья Р. и А. Дидерихс».

Но это не спасло. На репетиции следующего концерта ко мне подошла незнакомая женщина и пригласила на какое-то собрание, сообщив при этом, что они очень интересуются Сергеем Васильевичем и будут счастливы, если я приму их приглашение и буду им о нем рассказывать. Не помню, что я ответила, но дома рассказала об этом, и Сергей категорически запретил мне где бы то ни было и кому бы то ни было о нем рассказывать. Я так свято относилась к его воле, что и сейчас мне пришлось много передумать, прежде чем начать записывать запомнившиеся о нем минуты.

Когда была написана «Литургия святого Иоанна Златоуста», мы очень интересовались, как Сережа, не будучи религиозным, мог написать церковную музыку, и с нетерпением ожидали обещанного концерта. Концерт должен был состояться 25 ноября 1910 года при участии Синодального хора под управлением Н.М. Данилина³¹. Духовенство было также очень заинтересовано; ведь среди них было много любителей музыки, но посещать концерты светской музыки они не могли, и только некоторые, особенно смелые, надевали светское платье и тайком бывали на концертах и в театрах. Понятно, что предстоящий концерт интересовал их особенно. Законоучитель школы, где я работала, после исполнения

---

³¹ *Николай Михайлович Данилин* (1878–1945). Хоровой дирижер, педагог, регент Синодального хора (1910–1918), хормейстер Большого театра (1919–1924), профессор кафедры дирижирования Московской консерватории (1923–1934), главный дирижер Государственного хора СССР (1934–1939), заведующий кафедрой дирижирования Московской консерватории (1941–1945).

«Литургии» отозвался так: «Музыка действительно замечательная, даже слишком красивая, но при такой музыке молиться трудно. Не церковная».

Мама моя по характеру была быстрая и энергичная. Собираясь на этот концерт, она очень торопилась и боялась опоздать (это уж рахманиновская черта). Садясь в санки извозчика, она упала. Ноге было очень больно, но мама поехала и даже поднялась по большой лестнице; просидела весь концерт, терпя страшную боль, но когда концерт окончился, она встала с трудом и едва дошла до лестницы, а спуститься уже не могла; пришлось ее снести на руках. Приглашенный хирург констатировал перелом ноги.

Можно себе представить, какое было впечатление от музыки, если даже человек со сломанной ногой просидел весь концерт!

...1912 год. Лето. Ночью мы приехали в Ивановку. Все уже спали. Проснулась утром и слышу – в комнате разговаривают. Со сна не помню кто. Но минуту спустя слышу: это Сережа и мама. Он сидит около мамы, и они о чем-то тихо беседуют, думая, что я сплю. Повернулась и смотрю, жду, когда же они заметят, что я не сплю.

– Проснулась наконец, я уже целый час сижу, а ты, соня, спишь и ничего не слышишь. Еще бы немного и проспала бы удовольствие, – говорит Сережа, – через сорок минут будь готова, увидишь мою «Лору»³², а к вечеру покатаю.

---

³² «Лора» – так С.В. Рахманинов называл свой автомобиль. Лора – краткое от

Точно через сорок минут мы были в гараже. Наспех показав автомобиль, Сергей ушел к себе работать. В Ивановке было два дома: большой, где жили все, и небольшой старый, где жил Сергей с семьей. Стояли они рядом, а между ними была небольшая площадка с фонтаном и цветником, по бокам – стена из кустарника и ряд цветущего табака. Вечером здесь бывало необыкновенно красиво.

В день моего приезда, после обеда и отдыха поехали кататься: Сережа у руля, рядом шофер Комаров, я сзади одна. Пока едем проселком, машина так подскакивает на неровной дороге, что меня бросает с одного борта на другой. Сережа оборачивается и поддразнивает: то ли еще будет. Вдруг машину встряхнуло так, что я чуть было не вылетела, шофер схватился за руль, но Сережа спокойно отвел его руки:

– Все в порядке, это Анна Андреевна виновата, прыгает так, что того и гляди выскочит из машины, а за нее отвечать придется.

Но вот выехали на большак и помчались по глади дороги. Сережа время от времени поворачивает голову и молча улыбается. Ему понятно мое состояние: вокруг ведь ни души, воздух дрожит над необъятным морем ржи, и только жаворонки выются высоко в небе. Молчу и я. Зачем слова, когда такая ширь кругом и, кажется, поет воздух. К вечеру приехал

Лорелея, имени мифологического существа, русалки, заманивавшей корабли на скалы. Лорелея – персонаж баллады Клеменса Брентано, получившей свое имя по названию скалы на берегу Рейна (Германия).

Лукинка³³ на своем «Форде». Автомобиль был тогда еще редкостью, и в наших краях его совсем не знали. Сергей увлекся им до самозабвения, ревниво отстаивал свою «Лору» и доказывал, что она несравненно лучше «Форда», входившего тогда у нас в моду.

– Ну что твоя «Лорелея», – наседает Лукинка на Сережу, – разве она годится на проселочных дорогах! Вот мой «Форд» пройдет где угодно, а ты сядешь где-нибудь, помяни мое слово!

– А вот увидим, в четверг едем с нами в Знаменку³⁴ за Митей и к Володе. Увидишь, как «Лора» будет брать все препятствия, – горячился Сергей.

Затем все гурьбой отправляемся в гараж. Начинается осмотр обеих машин, и снова разгорается спор. В конце концов нам это надоедает, и мы уходим от спорщиков, но долго еще раздаются их голоса и долетают слова: «Лора»... «Форд»...

Обычно все утро Сергей не показывался, он работал в старом доме, где жил с женой и детьми, – и никто, конечно, его в это время не беспокоил. Окно его кабинета выходило в сад, и я потихоньку от всех забиралась в густой кустарник невдалеке и слушала его игру. Какое упорство в работе, какая на-

---

³³ Так по имени его имения Лукино звали Александра Ивановича Сатина, двоюродного брата жены Рахманинова.

³⁴ Знаменка (Знаменское) – имение рода Рахманиновых в Тамбовской губернии Козловского уезда.

стойчивость и какое строгое к себе отношение! Иные места он упорно повторял по нескольку раз, и я, слушая, затаивала дыхание, чтобы не пропустить ни одного звука.

После трудового дня (он и летом аккуратно занимался, не делая себе скидок ни на жару, ни на усталость), окончив занятия, Сережа выходил из дома, брал ракетку и шел к нам играть в лаунтеннис³⁵, еще издали крича, что знает, кто проигрывает, по моим крикам, и становился играть в паре со мной. До обеда мы играли, и Сережа веселился, бегал наравне с другими.

Гуляя, мы однажды шли по плотине. Я увидела красивый голубой цветок. Был он действительно какой-то особенно голубой, но рассмотреть его было нельзя, так как рос он на очень крутом склоне над обрывом. Сережа сразу откликнулся:

– Хочешь, я сорву его, – и хотел уже спускаться, но Наташа схватила его, а меня возмущенно упрекала, что я подбиваю Сережу на неразумные поступки.

– Он же мог упасть и сломать ногу, оба сумасшедшие!

Вечером, получив почту, причем право раскрывать почтовую сумку всецело принадлежало Сереже, он зарывался в газеты. По прочтении газет велась беседа с приказчиком по хозяйству, и, только покончив с этим, он включался в общую беседу: о прочитанных книгах, о событиях из газет, о

---

³⁵ Лаунтеннис – теннис на открытом воздухе, буквальный перевод с английского-го «теннис для лужаек» (lawn tennis).

поэтах, о театре и музыке. Тогда процветал Игорь Северянин и Н.Н. Лантинг (Девуля, как ее звали)³⁶ увлекалась его стихами и читала их. Сережа подвергал эти стихи свирепой критике, больше дразня Девулю, а она с жаром их отстаивала. Вообще, надо сознаться, все были спорщики ужасные, и, едва затихали одни, договорившись или устав, как уже разгорался другой спор. Иногда же перед сном затевались маленькие игры.

Но не всегда Сергей бывал приветлив. В иные дни он становился мрачен, угрюм. Заметив такое его состояние, у нас обычно говорили: «Прилетели майские жуки». Если Сережа нахмурился, лучше было к нему не подходить. Но длилось царство «майский жуков» не так уж долго. Как всем вздыхалось легко, когда Сергей заговаривал и на его лице появлялась улыбка! Зато никто не сравнился бы с ним, когда он бывал весел, как по-детски непосредственно и заразительно он смеялся, ухватившись за затылок.

Не помню точно, в каком году, в Ивановке решили совершить длительную прогулку в автомобиле. Порядок установили следующий: заехать в Лукино за А.И. Сатиным, затем к Комсиным³⁷, потом в Знаменку – это уже в Козловском

---

³⁶ *Игорь Северянин*, урожденный *Игорь Васильевич Лотарев* (1887–1941). Поэт, переводчик, один из крупнейших представителей русского литературного направления «футуризм». *Наталья Николаевна Лантинг* – дальняя родственница С.В. Рахманинова, двоюродная сестра его жены (дочь сестры А.А. Сатина – Ольги Александровны).

³⁷ «...к Комсиным (в Гавриловку)»: Комсины – помещики Виктор Иванович,

уезде – и, захватив там Дмитрия Ильича Зилоти, ехать в Покровское³⁸ – к Владимиру Сатину, брату Наталии Александровны Рахманиновой.

Сборы были недолги, сильно волновались. Из Ивановки поехали Сергей Васильевич, его жена Наталия Александровна, я и шофер Комаров.

В Тамбовской губернии хороши были только дороги-большаки, а проселочные – ужасны, особенно после дождя, и не только для автомобиля, но и для телеги.

Выехали мы рано утром. Солнце еще не слишком пекло, но обещало к полудню показать свою силу. У руля был, как всегда, Сергей Васильевич, шофер сидел рядом и зорко следил за дорогой. Огибая какой-то сарай, мы влетели в колдобину, машину подбросило. В это время из конуры выскочила цепная собака, свирепо лая, но, напуганная невиданным чудовищем, заревевшим на нее, она не выдержала и кубарем откатилась в бурьян. И везде, где мы появлялись, мы сеяли ужас и удивление.

Пришлось переезжать небольшую плотину. По обыкновению, она была неисправна, и автомобиль посередине плотины провалился задним колесом. Пришлось вылезать и соединенными усилиями вытаскивать его.

Наконец выехали на ровную дорогу. Сергей дал полный

Сергей Иванович и Дмитрий Иванович, владельцы имения в Тамбовской губернии, в котором часто гостили Рахманиновы.

³⁸ Покровское – имение жены В.А. Сатина – находилось в Рязанской губернии.

ход. Помчались так, что только ветер свистел в ушах. Около дороги пасся табун молодняка. Никогда не выдавшие автомобилей молодые лошади с развевающимися хвостами и гривами помчались в разные стороны.

– А ведь красиво?!

– Да. А вот что скажет Зинаида Алексеевна... Каково будет их собирать, ведь они теперь верст за десять, а то и за двадцать могут забежать, да все в разные стороны... – и Сергей покачал головой. – Да, это уж нехорошо. А все-таки красиво.

Первая остановка была в Лукине. Там пили чай, а потом, захватив А.И. Сатина, двинулись дальше. Выехали на большак и полетели на предельной скорости. Солнце пекло и обжигало лицо. Кругом полное безлюдье, простор. Быстрая езда так захватила, что никто не произносил ни слова. Вокруг все точно замерло в знойном летнем полудне... и только мы мчимся неудержимо вперед, вперед в ту фантастическую страну, что появилась впереди, слева. Воздух дрожит, а вдалеке вижу: на горизонте вырисовывается что-то незнакомое, неуловимое, в бледных красках, в дымке какие-то формы, напоминающие пальмы, минареты, точно какой-то фантастический восточный город, а между ним и горизонтом голубая полоса – не то воздух, не то вода. Это было марево.

Завороженная прекрасным зрелищем, быстротой движения, уже не чувствую ничего и никого, только будто лечу, бесконечно сильная, полная радости бытия. И вдруг вижу улыбающиеся, сочувствующие глаза Сергея, он смотрит на

меня и понимает мое состояние.

В Раненбурге, пока брали бензин, вокруг машины столпились мальчишки и взрослые, с любопытством рассматривали невиданное диво; только что на язык не пробовали. Сергей вступил в беседу с мальчишками и очень забавлялся их наивными разговорами. Один из мальчишков серьезно сказал:

– А ведь небось тысяч шесть стоит!

И задавал вопросы о машине, что и как устроено. Сергей внимательно слушал и обстоятельно отвечал.

Утро в Ивановке. Проснулась, открыла глаза – за окном вековые липы, а сквозь густую листву пробились лучи солнца и зажгли ярким полымем красный шарф на столе. И это было так красиво, что сон сразу пропал; в мыслях мелькнуло: сегодня 26 августа – именины Наташины и Девули, надо что-то придумать, но что можно сделать, находясь в шестидесяти верстах³⁹ от города, в деревне? И вдруг – идея! Кантата. Как была – села за стол и смаху начала «величественное» вступление:

*Гремите, хоры,
В честь Грандифлоры.*

*Звучите, трели,
Воспойте Нелли.*

Затем пошло иным размером:

Ах, наши души рдеют,

---

³⁹ Верста – русская дореволюционная единица измерения расстояния, равная в метрической системе 1066,8 метра.

*Как вишни на закате,
Когда вы – две Натальи —
На променаде.*

Дело в том, что обе Наталии обычно каждый вечер отправлялись вдвоем на прогулку. Никого не принимали в свою компанию, так как в это время они поверяли друг другу самые сокровенные тайны. Как сейчас вижу две фигуры с красным зонтом, медленно движущиеся к пруду.

Наталия Николаевна сильно увлекалась Н.Н. Евреиновым⁴⁰ и участвовала в драматическом кружке, где он был художественным руководителем и режиссером. Известно было, что Наталия Николаевна страдает бессонницей. Зная обо всем этом, я и посвятила ей несколько витиеватых строф.

*Героя длинноногого
С волосьями до плеч
Забудь хоть на мгновение
До новых встреч.
Пусть пурпурные лилии
Его мозгов
Не беспокоят более
Твоих снов... и т. д.*

Герой был далеко не длинноногий, но чего не напишешь,

---

⁴⁰ Николай Николаевич Евреинов (1879–1953). Режиссер, драматург, историк театра, философ, актер, музыкант, художник.

когда лишь час времени на все. А «пурпурные лилии его мозгов» ее пленили.

– Вот именно, пурпурные лилии – его мысли, – томно улыбаясь, сказала она и взяла себе на память «кантату», написанную наподобие древних грамот.

Когда все собрались в столовую к утреннему чаю, я попросила всех в гостиную, посадила полукругом. Соня села за рояль, я стояла около. Соня взяла дикие «торжественные» аккорды, и я под невероятный аккомпанемент начала «величественно» декламировать вступление. Затем мы запели дуэтом, причем Соня «летала» по всей клавиатуре, а я подплясывала с серьезным лицом. Эффект превзошел мои ожидания. Все сначала были ошеломлены и недоуменно молчали, смотрели и слушали, но когда вдруг раздался Сережин смех и мы, оглянувшись на него, увидели, что он хватается за затылок и, топая ногами, корчится от гомерического хохота, все вдруг очнулись, и хохот стал всеобщим. Кончили мы с достойными, серьезными лицами под гром аплодисментов.

Никто не обладал таким чувством юмора, никто так заразительно не смеялся, как Сережа.

Старшие сестры и братья и их товарищи как-то приготовили спектакль-водевиль – «Много шума из пустяков». В последнюю минуту, когда участвующие были загримированы и публика собиралась в саду («сцена» была на террасе, а «зрительный зал» – в саду, скамьи для публики уже стояли перед балконом, где кругом вековые липы и пестрые фона-

рики мелькали темной ночью в густой зелени), исполнителя на роль слуги не оказалось. Кто это был и куда, и почему исчез, я не помню. Режиссер спектакля быстро «перекроил» слугу в служанку, и роль была поручена мне. Все произошло так молниеносно, что я не успела опомниться, как оказалась на сцене, и занавес пошел. Вся роль заключалась в том, что надо было ввести в комнату гостиницы нового постояльца, сказать несколько слов и принести свечу со спичками. Я проделала все, что нужно, пошла за свечой – и, о ужас! – спичек нет. Я побежала в комнату – спичек нет. В отчаянии, с одной свечой иду на сцену и, давая свечу, решительно заявляю, что спички у него, конечно, есть, и, пожелав спокойной ночи, быстро удаляюсь. Я боялась, что испортила все, но оказалось, что наша сцена прошла прекрасно. Сережа усмотрел у меня актерские способности и, приглядываясь ко мне, заводил речь о театре.

Через некоторое время, как-то после ужина, вышли Наташа, Сережа, Соня, Марина и я в цветник. Картина была чудесная: ночь лунная, на небе ни облачка. Луна освещала фонтан, и белые звезды цветущего табака сильно пахли, а кругом все потонуло в темноте, как в черном бархате. Меня заворожила эта красота и охватило какое-то странное возбуждение. Я забралась на стену фонтана и стала читать старинное заклинание-приворот:

На море на океане,

*На острове на Буяне
Стоит верба,
на вербе
Семьсот ветвей,
На тех ветвях семьсот чертей —
Страшно...
Под вербой баня,
А в бане доска,
Под доской тоска.
Металась тоска,
Бросалась тоска
По окнам, по углам,
И тут, и там.
Страшно...
Стой, тоска.
Не метайся, тоска.
Не бросайся, тоска.
Ты пойди, тоска, к рабу Сергею.
Чтоб он, раб Сергей, любил
И тосковал по рабе Анне.
Во веки веков
Аминь!*

И так повторила три раза. Кончила. Стою, как околдованная. Ночь, красота эта заморозила нас всех, никто не ожидал от меня такого, да и сама я не узнала себя. Когда очнулись, тихо, не говоря ни слова, разошлись. Наутро мне рассказали Соня и Марина, что, слушая мои заклинания, им стало

страшно и что я была как ведьма.

Сергея сказал мне, чтобы я готовилась к встрече с К.С. Станиславским⁴¹, что надо, чтобы он прослушал меня и решил – гожусь ли я к актерской работе. Все, что Сергей задумывал, он доводил до конца, и в этом случае он не забыл. Вернувшись в Москву, он говорил со Станиславским обо мне, и в назначенное время я пришла в студию (она тогда помещалась на Тверской, где одно время был Театр имени Комиссаржевской). Вошла я в зал со страхом и вижу, за столом сидят К.С. Станиславский и Е.Б. Вахтангов⁴². Встретили они меня очень ласково и предложили читать мое заклинание. Я струсилась и, думая отвертеться, сказала, что тогда я читала ночью при луне у фонтана, а здесь, в комнате, ничего не получится. Тогда Станиславский попросил Вахтангова:

– А ну, устройте ночь. – Вахтангов погасил электрическую люстру, оставив лишь одну лампочку, которую затемнили занавесом. И вот из-за этого занавеса стала я заклинать. Когда кончила, Станиславский предложил мне заклинать его. Я струсилась и просила:

– Не надо...

В результате Станиславский назначил мне индивидуальные занятия и стал сам со мной заниматься. Спустя уже два

---

⁴¹ *Константин Сергеевич Станиславский* (1863–1938). Актер, режиссер, драматург, основатель МХТ, первый деятель русского театра, получивший звание «Народный артист СССР».

⁴² *Евгений Багратионович Вахтангов* (1883–1922). Актер, режиссер, педагог. Создатель театра, который носит его имя.

года Сережа вдруг чего-то испугался и, когда я его на вокзале провожала, написал на моей записной книжке обращение к Сулержицкому⁴³, прося его присмотреться ко мне и сказать, смогу ли я по моему характеру работать в театре. Записку я не поняла, ее иносказательность была туманна.

Так все время Сергей следил за мной и заботился о моем будущем. Его смущала моя боязнь чужих, замкнутость и дикость. И хотя ко мне в студии, начиная со Станиславского, все крупные актеры, которые там бывали, относились очень хорошо и говорили, что любят меня уже за то, что я сестра Сергея Васильевича, я в войну 1914 года после перенесенного тифа не вернулась в студию, а стала работать сестрой в госпитале солдат, ожидавших протезы.

Тяжелое серое осеннее небо. В комнатах мебель сдвинута как попало, чемоданы повсюду. Все, кажется, спешат куда-то, двигаются с озабоченными лицами и мешают один другому. Сережа смотрит на девочек, смиренно ожидающих отъезда, уже одетых. На душе грустно, но почему? Ведь так часто Сережа уезжал в гастрольные поездки, но тогда он уезжал один, а сейчас поднята все семья. Последние слова, поцелуи, и все спускаются по лестнице. Уезжают далеко и надолго. И не чуяли мы, что не увидим больше Сережи. Последние слова:

– До свиданья, пишите, будьте здоровы, скорее назад,

---

⁴³ Антон Леопольдович Сулержицкий (1872–1916). Режиссер, художник, педагог. Сподвижник К.С. Станиславского, учитель Е.Б. Вахтангова.

ждем...

И Сережа уехал навсегда.

Когда вернулся МХАТ из поездки в Америку, я встретила К.С. Станиславского. Он охотно рассказывал мне о триумфах, сопровождавших выступления Сергея Васильевича, о его жизни в Америке, о том, что он радостно встретился с ним, и в заключение сказал:

– Провожал нас Сергей Васильевич на пароход. И когда пароход начал отдаляться от пристани, я взглянул на его как-то ссутулившуюся высокую фигуру. Последний привет! Он стоит молча, с поднятой рукой, и я вижу, как глаза его застилаются слезами. А видеть слезы на глазах большого человека – страшно.

Вся жизнь моей семьи сплетена с жизнью Сергея. Я благодарна ему за его любовь, ласку и заботу о моей дорогой матери. Он любил и уважал ее; называл любимой тетушкой. Мы мечтали о его возвращении, но мечты не сбылись, остались только воспоминания, безграничная любовь и благодарность к этому большому и светлому человеку, давшему всем нам много радости и наслаждения своим изумительным многогранным талантом.

Москва

Ноябрь 1954 года

Мальчик способный, хотя и большой шалун

М.Л. ПРЕСМАН

УГОЛОК МУЗЫКАЛЬНОЙ МОСКВЫ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ (ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ Н.С. ЗВЕРЕВА)⁴⁴

При случайной встрече с группой старых товарищей мы вспоминали о покойном профессоре Московской консерватории Николае Сергеевиче Звереве... Какую колоссальную роль сыграл он в жизни музыкального искусства вообще и нашей Московской консерватории в частности.

...За сравнительно короткий промежуток времени с 1880–1881 по 1890–1891 годы через его руки прошли такие исключительно талантливые люди, как А.И. Зилоти, А.Н. Скрябин, С.В. Рахманинов, Л.А. Максимов, Ф. Ф. Ке-

---

⁴⁴ Настоящая публикация является фрагментарно цитируемой статьей М.Л. Пресмана. *Матвей Леонтьевич Пресман* (1870–1941) – известный русский и советский педагог и пианист, соученик С.В. Рахманинова, директор Музыкального училища имени М.М. Ипполитова-Иванова (1933–1941). Статья посвящена годам учебы М.Л. Пресмана в музыкальном пансионе Н.С. Зверева в Москве.

неман, А.Н. Корещенко, К.Н. Игумнов, Е.А. Бекман-Щербина, Е.В. Кашперова, С.В. Самуэльсон, О.Н. Кардашёва и многие другие ⁴⁵...

От Зверева ученики обычно переходили (Зверев вел только младшие классы игры на фортепиано) к А.И. Зилоти, В.И. Сафонову, С.И. Танееву, П.А. Пабсту ⁴⁶. Несомненно, у каж-

---

⁴⁵ *Александр Ильич Зилоти* (1863–1945). Пианист, дирижер, педагог. Двоюродный брат С.В. Рахманинова (по материнской линии), его преподаватель в Московской консерватории. *Александр Николаевич Скрябин* (1871/1872 по старому стилю – 1915). Композитор, пианист, педагог, автор понятия «светомузыка». *Леонид Александрович Максимов* (1873–1904). Русский пианист, педагог, соученик С.В. Рахманинова по Музыкальному пансиону Н.С. Зверева. *Федор Федорович Кёнеман* (1873–1937). Русский и советский пианист, композитор и педагог. Выпускник Музыкального пансиона Н.С. Зверева. Впоследствии профессор Московской консерватории. *Арсений Николаевич Корещенко* (1870–1921). Русский композитор. Выпускник Музыкального пансиона Н.С. Зверева. *Константин Николаевич Игумнов* (1873–1948), русский и советский пианист и педагог. Выпускник, впоследствии профессор Московской консерватории, в юности брал уроки у Н.С. Зверева. Народный артист СССР (1946). Лауреат Сталинской премии первой степени (1946). *Елена Александровна Бекман-Щербина* (1881/1882 по старому стилю – 1951). Выпускница, впоследствии доцент Московской консерватории, в юности брала уроки у Н.С. Зверева. Заслуженная артистка РСФСР (1937). Кавалер ордена Трудового Красного знамени (1945). Автор песни (совместно с мужем Леонидом Бекманом) «В лесу родилась елочка». *Елизавета Владимировна Кашперова* (1871–1936). Пианистка, композитор, педагог. Дочь композитора В.Н. Кашперова. *Семен Васильевич Самуэльсон* (1872–1951). Пианист, соученик С.В. Рахманинова по Музыкальному пансиону Н.С. Зверева, выпускник Московской консерватории. *Олимпиада Николаевна Кардашёва* (1877–1973). Пианистка, преподаватель, затем профессор Московской консерватории (1900–1952).

⁴⁶ *Пауль (Павел) Августович Пабст* (1854–1897). Пианист, композитор, педагог. Преподавал в Московской консерватории с 1878 года, профессор. Сын

дого из этих профессоров была своя система, свой метод, тем не менее, учеников Зверева они охотно принимали – ведь каждому из них приятно было получить учеников, которых не нужно исправлять, переделывать, с которыми можно легко идти вперед. К Звереву попадали в большинстве случаев самые одаренные учащиеся.

Профессора, ведущие старшие классы, были сами заинтересованы, чтобы талантливые дети попадали к Звереву в стадии начального обучения, чтобы потом взять их к себе в класс, но уже с заложенным прочным музыкальным и техническим фундаментом.

Зверев умел заинтересовать детей, увлечь их разнообразным музыкальным материалом и, наконец, приучить к аккуратной работе. Прийти к Звереву с невыученным уроком было нельзя. Такой «смелый» ученик немедленно вылетал из класса.

Большим достоинством Зверева было то, что, разругав, как говорят, «вдребезги» ученика за неряшливо выученный урок, он умел тут же подойти к нему, и у того никакого осадка горечи не оставалось: каждый чувствовал правоту Зверева, и у каждого надолго пропадала охота вторично получить нагоняй и вылететь из класса.

Какой пианист был Зверев, мы не знаем. Когда мы жили у него, он уже сам пианизмом не занимался и, конечно, как

немецкого композитора Августа Пабста. П.А. Пабсту посвящены семь фортепианных пьес С.В. Рахманинова.

пианист не только публично, но даже при нас играть не мог. Суждения же его о пианистах и о музыке вообще были прежде всего очень строгие. Он прекрасно разбирался в слышанном и часто подвергал исполнению даже больших артистов жесточайшей справедливой и деловой критике. Его бывшие ученики С.М. Ремезов, А.И. Галли⁴⁷ и даже А.И. Зилоти, слышавшие его, рассказывали, что Зверев был превосходным, очень изящным и музыкальным пианистом, с очень красивым звуком. Конкретно указывали на исключительно хорошее исполнение им Сонаты *cis-moll* op. 27 Бетховена, а ведь это уровень, и очень высокий!..

...ко времени моего поступления к Звереву у него было два воспитанника: Леля Максимов и Коля Цвилленев. Вскоре Цвилленев переехал в Петербург, а на его место у нас появился новый товарищ – Сережа Рахманинов. До переезда Рахманинова в Москву у Зверева в Москве по пути следования из Германии в Петербург побывал А.И. Зилоти.

В прошлом Зилоти был учеником и воспитанником Зверева. Ко времени, о котором я пишу (приблизительно 1884–1885 годы), Зилоти появился в Москве уже как пианист с крупным европейским именем, прошедший школу великого маэстро – Франца Листа⁴⁸.

---

⁴⁷ *Сергей Михайлович Ремезов* (1854 – после 1917). Профессор Московской консерватории (1891–1901). Анатолий Иванович Галли (1853–1915). Пианист, педагог, окончил Московскую консерваторию, преподавал фортепиано на младшем отделении (1989–1909).

⁴⁸ *Франц (Ференц) Лист* (1811–1875). Венгерский пианист-виртуоз, компози-

Для меня приезд в Москву Зилоти и знакомство с ним было полным откровением. Тот факт, что Зилоти, который сейчас живет у Зверева, под одной со мной крышей, – ученик, и любимый ученик Франца Листа, то есть человек, близко с ним соприкасавшийся, с ним разговаривавший, уже окружал для меня имя Зилоти листовским ореолом. Я с умилением разглядывал Зилоти.

В это время мы еще больших концертов не посещали и крупных артистов-пианистов не слыхали. Тем большим наслаждением было для нас услышать Зилоти в домашней обстановке.

Я не только ничего подобного не слыхал, но мне вообще такая игра казалась сверхъестественной, волшебной. Его изумительная виртуозность и блеск ослепляли, необыкновенная красота и сочность его звука, интересная, полная самых тончайших нюансов трактовка лучших произведений фортепианной литературы очаровывали. Концерты Зилоти были первыми, которые я в своей жизни посетил. Никогда не забуду, как вся публика, в изумлении от звучания, поднялась с мест во время финала листовского «Пештского карнавала» (Девятая рапсодия), чтобы воочию убедиться – играет ли на фортепиано один человек или целый оркестр. Обаятельная внешность Зилоти и его исключительное пианистическое мастерство делали его положительно кумиром пуб-

---

тор, дирижер, педагог. Выдающийся представитель музыкального романтизма. Автор жанров «рапсодия» и «симфоническая поэма».

лики.

Со своими концертами Зилоти поехал в Петербург, где жил и уже учился в консерватории Сережа Рахманинов. Как потом рассказывал сам Зилоти, к нему в Петербурге обратилась мать Рахманинова с просьбой послушать игру на фортепиано ее сына Сережи. Прежде чем исполнить ее просьбу, Зилоти решил спросить у директора консерватории К.Ю. Давыдова его мнение относительно Рахманинова.

Мнение было таково, что Сережа – мальчик «способный» (только способный!), хотя и большой шалун. Ничего особенного в его даровании Давыдов не усмотрел.

Такой отзыв директора консерватории – замечательного виолончелиста и композитора, крупнейшего авторитета – чуть не заставил Зилоти отказаться прослушать Сережу Рахманинова, его двоюродного брата.

Только настойчивые просьбы матери заставили, наконец, Зилоти почти перед самым отходом поезда в Москву заехать к Рахманиновым.

Прослушав Сережу, Зилоти тут же предложил родным взять его немедленно с собой в Москву к Н.С. Звереву. Таким образом, у Зверева, даже без всякого с ним предварительного согласования, появился новый ученик и воспитанник, а у нас с Максимовым – новый товарищ.

В Петербургской консерватории Рахманинов учился в классе преподавателя В.В. Демянского. Рахманинов не был особенно хорошо подготовлен технически, но то, что он уже

тогда играл, было бесподобно.

Помню, как Зверев заставлял его всегда играть приходившим к нам профессорам консерватории и как они восторгались его дарованием.

По подготовке все мы приблизительно были на одном уровне и часто играли одни и те же вещи. Зверев был очень требователен и строг к учащимся вообще, а к нам, своим воспитанникам, особенно. Помню такой полукомический случай.

Рахманинов, Максимов и я играли один и тот же Второй концерт As-dur Дж. Фильда. Пришли к Звереву в консерваторию на урок. Сел играть Рахманинов. Вначале все шло как будто гладко. Вдруг – стоп!

– Ты что это играешь? – крикнул Николай Сергеевич. – Сыграй вот это место еще раз! – Рахманинов повторяет. – Опять врешь! Опять не так! Просчитай это место! – возвышает голос Николай Сергеевич.

– Нет, неверно!

Выйдя, наконец, из себя, Николай Сергеевич крикнул:

– Пошел вон!

На смену Рахманинову сел за рояль Максимов.

Когда он сыграл до того же злополучного места, с ним повторилась рахманиновская история, только с несколько иным финалом. Сидя на стуле возле играющего Максимова, Зверев так толкнул его стул ногой, что Максимов вместе со стулом опрокинулся и упал на пол.

Можно себе представить, с каким настроением я сел играть. Участь моих товарищей постигла и меня. Я тоже не мог выкарабкаться из этого злополучного места. Потеряв окончательное самообладание, Зверев выругался и крикнул:

– Сейчас пойду к директору⁴⁹ и потребую, чтобы всех вас, никуда не годных учеников, убрали из моего класса. Учитесь у кого хотите!.. Идемте!

Зверев пошел вперед, а мы, понутив головы, – сзади. Привел он нас в профессорскую комнату. С.И. Танеева, к счастью, в ней не было, и Зверев велел нам ожидать его возвращения.

Профессорская своими застекленными дверьми выходила в длинный и широкий коридор, по которому все время взад и вперед шмыгали ученики и с любопытством нас разглядывали. Мы чувствовали себя очень неловко. Нам было стыдно, и, чтобы показать, будто мы не наказаны, а нас интересуют книги в шкафу, мы для видимости «внимательно» их рассматривали.

Взглянув случайно сквозь застекленную дверь на лестницу, ведущую на третий этаж и в класс Зверева, мы увидели, что по ней спускается Николай Сергеевич, а за ним, держа руки по швам, с опущенной головой идет его ученик Вильбушевич (впоследствии известный автор многих довольно

---

⁴⁹ Директором Московской консерватории в то время был Сергей Иванович Танеев (1886–1915). Композитор, пианист, педагог, ученик П.И. Чайковского.

популярных мелодекламаций). Вильбушевич⁵⁰играл тот же Концерт, что и мы, очевидно, с теми же погрешностями.

Едва Зверев появился на пороге профессорской в сопровождении Вильбушевича, как мы, совершенно не улаживаясь, не будучи в состоянии себя сдержать, одновременно громко расхохотались, так комичен был вид разъяренного Зверева и расстроенного Вильбушевича.

Наш смех был для Зверева так неожидан, что, остановившись на мгновение, как бы в недоумении, он отчаянно крикнул: «Вон отсюда!!!»

Нам только это и нужно было. Повторять приказа не пришлось. Мы, как бомбы, вылетели из профессорской.

...При всей своей колоссальной загруженности Зверев никогда не считался со временем, уделяемым им своим ученикам. За все годы моего пребывания у Зверева в классе я ни разу не ездил на летние каникулы домой к своим родным. Летом он выезжал со всеми нами на подмосковную дачу, ездили в Кисловодск (один раз) и в Крым (один раз)⁵¹.

Для наших занятий Зверев всегда возил инструмент на дачу и летом занимался с нами, требуя при этом, чтобы мы работали, как и зимой. Особенно памятной для меня осталась поездка в Крым, где мы жили в имении друзей Зверева, Токмаковых, – Симеиз. Кроме самого Зверева, нас троих

---

⁵⁰ Евгений Борисович Вильбушевич (1874–1933). Пианист-аккомпаниатор, композитор. Учился у Н.С. Зверева и В.И. Сафонова в Московской консерватории.

⁵¹ Поездка Н.С. Зверева с воспитанниками в Крым состоялась летом 1888 г.

и повара Матвея, с нами жил преподаватель консерватории Н.М. Ладухин⁵², который обучал нас теории.

Пребывание в Симеизе осталось у меня в памяти главным образом из-за Рахманинова. Там он впервые начал сочинять. Как сейчас помню, Рахманинов стал очень задумчив, даже мрачен, искал уединения, расхаживал с опущенной вниз головой и устремленным куда-то в пространство взглядом, причем что-то почти беззвучно насвистывал, размахивал руками, будто дирижируя. Такое состояние продолжалось несколько дней. Наконец, он таинственно, выждав момент, когда никого, кроме меня, не было, подозвал меня к роялю и стал играть. Сыграв, он спросил меня:

– Ты не знаешь, что это?

– Нет, – говорю, – не знаю.

– А как, – спрашивает он, – тебе нравится этот органнй пункт в басу при хроматизме в верхних голосах?

Получив удовлетворивший его ответ, он самодовольно сказал:

– Это я сам сочинил и посвящаю тебе эту пьесу.

Впоследствии Рахманинов посвятил мне одно из крупных своих произведений – Сонату для фортепиано ор. 36.

...Живя у Зверева, мы не платили ни за квартиру, ни за питание. Больше того, он взял на себя всю заботу о нашей

---

⁵² *Николай Михайлович Ладухин* (1860–1918). Выдающийся русский музыкальный теоретик, педагог, композитор. Автор знаменитых учебников по сольфеджио и другим теоретическим музыкальным дисциплинам.

одежде, оплачивал педагогов по всем предметам общего образования, по французскому и немецкому языкам.

Учили нас на средства Зверева и танцам. Каждое воскресенье мы ездили в один дом, где были четыре девицы, ученицы Зверева, с которыми мы и должны были танцевать. Все мы танцевать очень не любили и с большой неохотой занимались, они положительно отравляли наши воскресные «дни отдохновения».

С другой стороны, бегать на коньках нам не разрешалось. Зверев боялся, чтобы при случайном падении мы не повредили себе рук. По той же причине нам запрещалась верховая езда и гребля на лодке.

Наконец, у нас была, также оплачиваемая Зверевым, учительница музыки, в обязанности которой входило играть с нами по два раза в неделю по два часа литературу для двух роялей в восемь рук. Игра на двух роялях в восемь рук, несомненно, развивала нас, расширяла наш музыкальный кругозор, и мы с большим удовольствием ею занимались. Нами были переиграны чуть ли не все симфонии Гайдна, Моцарта и Бетховена, увертюры Моцарта, Бетховена, Мендельсона. Самыми любимыми произведениями для нас были симфонии Бетховена. Впоследствии нашим четвертым партнером был также ученик Зверева – С.В. Самуэльсон.

В ансамблевой игре мы достигли такого совершенства, что могли исполнять наизусть в восьмиручном переложении целые симфонии Бетховена.

После одного из весенних экзаменов класса Зверева Николай Сергеевич предложил экзаменационной комиссии под председательством директора консерватории С.И. Танеева прослушать в нашем восьмиручном исполнении симфонию Бетховена. Предложение Зверева было охотно принято.

Я никогда не забуду позы и выражения лица С.И. Танеева, когда он увидел, что мы вчетвером подошли к инструментам, сели за них и... перед нами не было нот. Он положительно вскочил с места и с ужасом спросил:

– А ноты?

Совершенно спокойно Зверев ответил:

– Они играют наизусть.

Мы сыграли Пятую симфонию Бетховена.

Хорошо ли, плохо ли мы играли – не помню, только С.И. Танеев никак не мог успокоиться и все твердил:

– Да как же так?! Наизусть?!

Чтобы его окончательно «доконать», Зверев велел нам сыграть еще Скерцо из Шестой симфонии Бетховена, что мы с таким же успехом и исполнили.

В наших занятиях был исключительный порядок. Так как нам нужно было играть всем троим, а оба рояля стояли в одной комнате, приходилось придерживаться установленного расписания. Начинать играть нужно было в шесть часов утра. Зимой это происходило при двух лампах-молниях, применявшихся не только для освещения, но и для тепла. Делали мы это по очереди. Каждому из нас приходилось

два раза в неделю вставать раньше всех и садиться играть в шесть часов утра. Самым тяжелым в этом расписании было то, что никакие объективные обстоятельства во внимание не принимались.

Если мы были в театре и после театра ездили в трактир ужинать и поэтому возвращались домой в два-два с половиной часа ночи, – все равно на следующий день строго должны были выполнять свои обязанности. Тот, чья очередь наступала, обязан был встать в свое время и в шесть часов утра уже сидеть за инструментом.

...Зверев очень строго следил за нашим посещением занятий и за успехами по всем теоретическим и общеобразовательным предметам. Нередко бывало, что он наводил о нас справки у соответствующих педагогов, и боже упаси, если справки эти были не вполне благоприятными!

На всех наших экзаменах по всем дисциплинам он обязательно присутствовал.

Еще со времени директорства Н.Г. Рубинштейна в консерватории работал в качестве профессора церковного пения и преподавателя закона божьего знаменитый протоиерей Д.В. Разумовский, большой знаток церковного пения.

Судя по тому, как он вел занятия по Закону Божьему, его можно было считать вполне культурным, передовым человеком, и легко допустить, что рясу он носил по явному недоразумению. Разумовский резко отличался от других попов, которые вполне сознательно дурачили в школах детей.

Исключительные душевные качества протоиерея Разумовского и его ум привлекали к нему симпатии всех учащихся. Система преподавания закона божьего Разумовским была больше чем своеобразна.

На уроках Разумовского ученики могли делать все, что им вздумается, и заниматься всем, чем хотели. Батюшка вел с ними беседы на какие угодно темы. О самом предмете – Законе Божьем – протоиерей Разумовский, конечно, тоже говорил, но учащихся почти не спрашивал. Перед окончанием четверти каждому ученику необходимо было иметь отметку, а потому им уж самим приходилось напрашиваться на вызов. Тут-то и происходили совершенно исключительные курьезы.

Вызванный, вернее, напросившийся на вызов ученик, подойдя к столу батюшки, по обыкновению даже не знал, с чего же ему начать рассказывать. Доброжелательный и добродушный батюшка сам начинал беседу с наводящих вопросов, а затем постепенно переходил к рассказу всего заданного урока, не затрудняя уже ученика ни одним вопросом.

По окончании «спроса» батюшка обычно говорил:

– А ведь ты, милый, ничего не знаешь. И вот тебе за это... единица.

И ставил в журнале единицу.

Обиженный якобы такой оценкой своих «знаний» ученик немедленно вступал в объяснения с учителем.

– Да как же, батюшка, вы ставите мне единицу, когда я так старался выучить для вас урок? Ведь я несколько раз все

прочитал!

– Правду говоришь, что занимался и все читал? – добродушно спрашивает учитель.

– Конечно, батюшка, правду!

– Ну что же! На тебе за это двоечку.

Двойка, конечно, ученика не удовлетворяла, и он снова начинал «торговаться» и доказывать, что весь урок прекрасно знает, что только строгость батюшки и происходящее от этого волнение помешали ему хорошо, даже отлично ответить.

– А ты все же правду скажи: знаешь урок?

– Конечно, знаю.

– Ну хорошо, Бог с тобой: вот тебе троечка!

Единица, казалось, так не возмутила ученика, как эта троечка. С чувством оскорбленного достоинства ученик гордо заявляет:

– Стоило столько трудиться, чтобы получить тройку! Лучше бы я совсем не занимался и не отвечал, чем столько работать! Столько работать! И получить тройку. Ведь это прямо обидно.

– Неужели обидно? – сочувственно спрашивал батюшка. – Ну что ж! Вот тебе самая хорошая и по заслугам отметка – четверка!

Тройка исправляется на четверку.

Войдя во вкус, ученик уже и такой отметкой не удовлетворяется и последним, по обыкновению, аргументом при-

водит, что четверка портит ему все отметки.

– У меня, батюшка, по всем предметам круглые пятерки, и вдруг по такому «важному» и «самому любимому» предмету, как Закон Божий, – будет четверка! – Тут уж ученик взмолился: – Батюшка! Поставьте мне пятерку, пожалуйста!

– Ну, Бог с тобой! На тебе пятерку!

Четверка действительно исправлялась на пятерку. Учитель и ученик мирно расходились, и на сцену выступал другой ученик.

Картина повторялась заново, и, пожалуй, с очень незначительными вариантами.

Вспоминается мне такая сцена перед одним из экзаменов по Закону Божьему. Протоиерея Разумовского окружила целая группа учащихся, которая заявила – вернее, заявлял каждый из учеников в отдельности, – что к экзамену по «закону», вследствие большого количества экзаменов по другим предметам, не подготовился, что знает только первый билет и просит разрешения его отвечать. Все получили разрешение. Начался экзамен. Подходит к столу первый ученик, вытягивает билет и без всякого смущения протягивает его батюшке. Экзаменатор спрашивает:

– Какой у вас билет?

– Первый, – смело отвечает ученик.

Конечно, у него был не первый билет. Тем не менее ученик отвечает по первому билету.

Подходит второй, вытягивает билет, передает его батюш-

ке и на вопрос экзаменатора: «Какой у вас билет?» – тоже отвечает: «Первый!» За вторым последовал третий, за третьим – четвертый и т. д. У всех были, конечно, первые билеты. Тут уж член экзаменационной комиссии, историк А.П. Шереметьевский, не выдержал и, приложив ладонь левой руки ко рту и подперев ею свой иссиня-красный нос, гнусавым голосом спросил:

– А что, батюшка, у вас много первых билетов?

– На всех, милый, хватит! На всех!

Экзаменуется по катехизису Рахманинов. Зверев, конечно, и здесь присутствует.

Рахманинову было предложено назвать всех евангелистов. Назвав трех, Рахманинов забыл имя четвертого. Сидевший у стола Зверев немедленно поспешил на помощь своему ученику и воспитаннику.

– А ты, Сережа, не знаешь, где сейчас Пресман? – спросил он невинно Рахманинова.

Совершенно, казалось бы, некстати заданный Зверевым вопрос напомнил Рахманинову имя четвертого евангелиста, и, не отвечая ничего на вопрос Зверева, он назвал евангелиста Матфея.

Вспоминаю еще один, скорее комический, чем трагический инцидент, который разыгрался со всеми нами.

У Зверева было так много уроков, что он вынужден был начинать их с восьми часов утра, за час до начала занятий в консерватории. В половине восьмого мы вместе с Никола-

ем Сергеевичем пили наш утренний кофе, вернее, «кофейный запах», как его называл сам Зверев, ибо кофе нам наливалось меньше четверти стакана, остальное доливалось кипятком и сливками. После кофе все мы выходили в переднюю, наряжали Зверева в громадную енотовую шубу, шею повязывали кашне, на голову напяливали бобровую шапку, а на ноги – высокие боты.

Проводив Николая Сергеевича на парадную лестницу (мы жили на втором этаже), все мы на этот раз пошли в столовую, так как крайне были заинтересованы рецензией в газете о каком-то концерте. Между тем, согласно расписанию, один из нас должен был садиться играть, а двое других – идти в свою комнату и заниматься приготовлением других уроков. Взобравшись коленями на стулья, мы улеглись локтями на стол. Рахманинов начал читать, а я и Максимов слушали. Вдруг, о ужас! В столовой тихо появляется грозная фигура Зверева с окриком:

– Так-то вы занимаетесь!

Все мы бросились врассыпную, а Зверев в енотовой шубе, в шапке и ботах – за нами. Не помню уж, поймал ли он кого-нибудь из нас, но страху было много, перетрусили мы здорово.

Не меньше, однако, было смеху, когда сам Николай Сергеевич в ближайшее воскресенье рассказывал об этом всем нашим товарищам и случайно бывшему у нас П.И. Чайковскому, иллюстрируя наше бегство и его преследование нас

в енотовой шубе, бобровой шапке и высоких ботах. Оказалось, что из-за желания скорее прочитать рецензию в газете, проводив Зверева и поспешив обратно в столовую, мы забыли наложить крючок на дверь. Зверев вернулся. Дверь не была закрыта. Он свободно вошел и... «накрыл» нас.

Наше расписание занятий все же было составлено так, что, кроме воскресных дней, совершенно для нас свободных, у нас и в будние дни были свободные часы, а вечера свободны всегда.

Если мы не ездили в концерт или в театр, то, сидя дома, играли в винт. Нашим постоянным четвертым партнером была сестра Зверева – добрая старушка Анна Сергеевна. С нею у нас были постоянные недоразумения, которые в первое время вызывали споры, в особенности со стороны вспыльчивого и горячего Лели Максимова.

К недоразумениям этим мы в конце концов привыкли и перестали обращать на них внимания. Происходили они главным образом оттого, что Анна Сергеевна никак не могла понять назначений своего партнера и не могла найти нужных выражений, чтобы, не называя карт, ясно показать ему, в чем заключается ее поддержка.

Будучи в этом отношении совершенно беспомощной, она начинала ерзать на стуле, перекладывая карты из одной руки в другую, делать ртом гримасы и как бы про себя говорить:

– Ну вот! Опять я и не знаю! Как же мне сказать, если у

меня... бубновый туз?

Еще хуже обстояло дело при разыгрывании партии. Не зная, с чего выйти или чем ответить партнеру, она снова начинала ерзать на стуле, извиваться, но извиваться так, чтобы как-нибудь заглянуть в карты своим двум противникам – справа и слева.

Конечно, материальных интересов ни у кого из нас не было – мы на деньги не играли. Чтобы не конфузить Анну Сергеевну, мы делали вид, будто не замечаем ее манипуляций.

Все мы, мальчики, были очень увлекающимися. Каждый из нас ухаживал за кем-нибудь из учениц консерватории.

Часто в свободные от концертов и игры в винт вечера мы говорили о своих симпатиях, поддразнивая друг друга. Мы с Максимовым были на этот счет более откровенны, а вот с Рахманиновым дело было гораздо труднее. Он был очень скрытен, и нам с Лелей Максимовым приходилось прикладывать много стараний, чтобы узнать, кто же, наконец, симпатия Рахманинова, за кем он ухаживает? Чем труднее было разгадать его тайну, тем больше мы потом торжествовали.

Однажды я с большой горечью рассказал моим товарищам о постигнувшей меня «неудаче». На мою долю выпало «большое счастье» – при выходе из консерватории я столкнулся со своей симпатией А., тоже ученицей Зверева. Вышли вместе из консерватории. У самых ворот стоит лихач. Вот, подумал я, было бы хорошо прокатить ее на лихаче домой!

К несчастью, в кармане у меня было только двадцать копеек! Провожать А. пешком было далеко. Я рисковал опоздать к обеду домой, и мне с грустью пришлось с моей симпатией проститься.

Своей неудачей я поделился вечером с Максимовым и Рахманиновым. Оба они выразили мне свое глубокое «соболезнование». Тем не менее прошло немало времени, прежде чем они перестали надо мною подтрунивать.

...Зверев работал страшно много. Свои занятия, частные уроки, как я уже сказал, он начинал с восьми часов утра, то есть за час до консерваторских занятий. С девяти до двух часов дня он занимался в консерватории, а с двух до десяти вечера разъезжал по частным урокам, причем в некоторых семьях его кормили. После десяти часов вечера он приезжал домой «обедать».

Ко времени его приезда все наши занятия заканчивались, а также заканчивалась игра в винт. Обязанностью нашей было сидеть возле него и занимать рассказами. Такая обстановка имела, конечно, место, когда все обстояло благополучно, и совсем не имела места, если Зверев был кем-нибудь из нас недоволен. Его недовольство мы чувствовали моментально. В первое время нас поражало и удивляло, когда Анна Сергеевна без всякого, казалось, основания говорила кому-нибудь из нас:

– А знаешь, ведь Николай Сергеевич тобою недоволен!
Мы никак не могли понять – откуда она это берет? Все мы

видели, что Николай Сергеевич ни о ком из нас, да и вообще ни о чем с нею не говорил.

Впоследствии секрет этот мы открыли сами – он был очень прост. Будучи недоволен кем-нибудь из нас, Зверев во время еды и между едой, ни на кого в общем не глядя, бросал злобные взгляды на провинившегося. Перехватив эти взгляды, мы узнавали, кем Николай Сергеевич недоволен. Когда Зверев был нами доволен, все обстояло благополучно. Мы после ужина вместе с ним отправлялись в его комнату. Сначала он умывался. Потом мы помогали ему раздеться и лечь в постель. Пока он курил закуренную кем-нибудь из нас для него папиросу, повар Матвей представлял счета расходов за день. Если все кончалось благополучно (случалось, что счета летели Матвею в голову, и тогда мы спешили поскорее незаметно убраться восвояси), мы поворачивали его на бок, подкладывали за спину, под бока и под ноги одеяло и целовали его в щеку. Затем он говорил: «Ле (то есть Леля Максимов), Се (то есть Сережа Рахманинов), Мо (то есть я), как приятно...» – а мы обязательно хором прибавляли: «протянуть ножки после долгих трудов», – гасили свет и уходили спать в свою комнату.

Зверев не выносил лжи, и достаточно было одного такого факта, чтобы он перестал лжеца-ученика у себя принимать и запрещал нам общение с ним. Вообще все наши товарищи очень тщательно им «профильтровывались». Стоило ему заметить, что мы приблизили к себе кого-либо из учащихся

консерватории, которого он по тем или иным соображениям считал не вполне подходящим, – он немедленно это сближение аннулировал.

У нас образовался целый кружок товарищей исключительно из его учеников, настоящих и бывших, которые приходили к нам по воскресеньям.

В воскресенье (это был наш, как говорил Зверев, «день отдохновения от трудов») у нас всегда был званый обед. В этот день мы были хозяевами положения и предоставлены сами себе. Зверев ни во что не вмешивался. Мы музицировали, играли в две, четыре и восемь рук.

Здесь впервые стали играть свои сочинения Скрябин и Рахманинов. Помню, с какой строгой критикой мы встретили в особенности произведения Скрябина. Ведь в то время никому из нас, да, и уверен, и самим Рахманинову и Скрябину, не приходила в голову мысль, что в будущем они займут выдающееся положение на мировой арене музыкального искусства.

Я совершенно ясно вспоминаю, что с самого раннего возраста оба они друг друга не любили, и с течением времени неприязнь эта не уменьшалась, а увеличивалась.

Только после неожиданной и преждевременной смерти Скрябина Рахманинов сделал одну концертную программу из скрябинских сочинений, чем, конечно, почтил его память. Скрябин же, я уверен, ни одного рахманиновского произведения во всю свою жизнь не выучил и публично не сыграл.

Трудно себе представить людей, более различных по индивидуальности, чем Скрябин и Рахманинов. Лично меня в дальнейшем больше всего поражало то, что в их творчестве, как и в характере, и во внешности, не было ничего общего.

Громадного роста, с крупными чертами аскетически сухого, бритого, всегда бледного лица, суровым взглядом, коротко подстриженными на большой голове волосами, длинными руками и пальцами, дающими возможность свободно брать аккорды в пределах дуодецимы, грубым с басовым оттенком голосом, Рахманинов резко отличался от небольшого ростом, худенького и хрупкого, с хорошей, всегда тщательно причесанной шевелюрой волос на небольшой голове, круглой бородкой и большими усами, мелкими чертами лица, бегущими небольшими глазами, небольшими, чрезвычайно изнеженными руками и тонким теноровым голосом Скрябина.

Я не раз шутя говорил и Скрябину, и Рахманинову, что своим внешним видом оба они вводят в заблуждение публику, ибо сильный драматизм, смелые дерзания, блеск и темпераментность музыки Скрябина (главным образом в его крупных оркестровых произведениях) никак не вяжутся с его, если можно так сказать, лирически-теноровой внешностью, и наоборот, лиризм и задушевность музыки Рахманинова не подходят к его суровому внешнему виду.

Я вспоминаю один, хотя и мелкий, но весьма характерный для Скрябина факт. Дело было в 1911 году в Ростове-на-До-

ну, где Скрябин в это время концертировал⁵³. У него был свободный вечер, и мы условились, что после окончания моих занятий, в восемь часов вечера, я буду ожидать его у себя, чтобы вместе пойти в кинотеатр. Ровно в восемь часов Скрябин был у меня, и мы с ним ушли. В то время программа в кинотеатрах состояла из двух отделений – сначала шла какая-нибудь большая видовая или «сильно драматическая» картина, а вторая – обязательно маленькая – комическая. Я предложил Скрябину пойти в самый лучший в городе театр, но Скрябин под предлогом, что в другом театре ему первая картина, хотя бы по названию, кажется более интересной, просил пойти туда. Так как у меня, кроме желания показать Скрябину лучший театр, никакой другой цели не было, то я не стал с ним спорить, и мы пошли в другой театр. Просмотрели первую картину. Началась вторая – комическая. С самого начала второй картины Скрябин стал мне говорить: «А вот сейчас то-то будет, а вот сейчас он через забор прыгнет» и т. д. Меня это удивило, и я, естественно, спросил:

---

⁵³ Концерт А.Н. Скрябина в Ростове-на-Дону состоялся 9 января 1911 года в зале Коммерческого клуба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.